

A close-up, color photograph of a middle-aged man with a weathered face, wearing a dark, wide-brimmed hat and a heavy, light-colored fur coat. He is looking slightly to the right with a serious expression. The background is a soft, out-of-focus blue and white.

ОГОНЁК

№ 44 ОКТЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ЭТОТ НОМЕР МЫ ПОСВЯЩАЕМ
СОВЕТСКОМУ ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ**

— Края наши привольные, богатые, красивые, — говорит Василий Андреевич Секач, один из лучших бригадиров Усть-Камчатского рыбокомбината, — приезжайте к нам, вас ждут большие дела!

Владивосток. Н. С. Хрущев в механическом цехе Дальзавода беседует с учащейся ремесленного училища токарем Людой Леоновой.
Фото А. Стужина и Н. Назарова (Фотохроника ТАСС).

На первой странице обложки: Василий Андреевич Секач.

Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: Амурский пейзаж.

Фото Д. Ухтомского.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1689)

25 ОКТЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

*Ваша дальневосточная земля обширная,
плодородная, все у вас есть—нужно только
разумно подойти к делу и приложить руки.*

Н. С. ХРУЩЕВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД

«Москва, Н. С. Хрущеву»

Л. ВАСИЛЬЕВА,
сортiroвщица Московского почтамта

В газетах часто пишут: «Весом стал голос народов». Мы, сортiroвщицы Московского почтамта, особенно 8-й экспедиции, через которую идет корреспонденция за рубежи страны и обратно, особенно чувствуем это у себя в последнее время. Многие килограммы писем приходят каждый день из разных стран с одним адресом: «Москва, Н. С. Хрущеву». Поток этот все увеличивается — с того дня, когда мы все начали жить поездкой Никиты Сергеевича в США. Каждый час мы отправляем новую партию писем нашему дорогому адресату. И с ночи непременно остается для первой утренней отправки 2—3 килограмма.

Мы всегда читаем обратные адреса — письма идут из всех уголков земли, иногда самых далеких и малоизвестных. Пишут простые люди — фермеры, рабочие, шахтеры, — пишут ученые. На конвертах то и дело увидишь штампы научного института, школы, библиотеки. Иногда на самом конверте написаны теплые, приветственные слова Никите Сергеевичу. Рядом с его именем иногда читаешь: «Великому борцу за мир» или «Защитнику мира премьеру Никите Хрущеву».

А то берешь в руки письмо, видишь, женский почерк. Не надо много думать, чтобы понять, о чем пишет Никите Сергеевичу женщина-мать из США, Германии или Индии. Конечно, о том, что она всей душой поддерживает Никиту Сергеевича за его мудрый призыв: разоружаться всем и жить в мире.

Я два года назад вышла замуж, сейчас жду ребенка. Муж мой пришел из армии, где служил командиром танка. Сейчас он работает в научно-исследовательском институте. А я все думаю: что, если будет война и муж должен будет сесть в свой танк и уже не на маневрах вести его под огонь? А что маленького ждет? Так и все женщины на земле размышляют.

Поэтому с такой любовью и сортiroвуем мы письма с адресом: «Н. С. Хрущеву». Стараемся, чтобы они ни минуты на почтамте не задержались, чтобы скорее Никита Сергеевич мог еще и еще раз прочесть, что пишут ему люди из далеких стран и как приветствуют и благодарят за то, что он делает, чтобы был мир на земле.

...Все больше и больше писем с этим адресом.
Фото Ф. Короткевича.

ЗЕМЛЯ УЛЫБАЕТСЯ НАДЕЖДЕ

ЯН ЭДМУНД ОСМАНЧИК,
польский публицист

Как волнуют и увлекают каждого новости, ежевечерне поступающие с неба! Они приходят, эти вести, на нашу грешную Землю не в облачении потрепанных религиозных «чудес», а в виде научных формул, молниеносно расшифровываемых расторопными вычислительными машинами. А главное, нет необходимости целовать руку или туфлю какого-нибудь старца, увенчанного раззолоченной митрой.

Сегодня люди на всем земном шаре, затаив дыхание, следят за чудесами небесной науки, которую раскрывают миру ученые Советского Союза. Не случайно, что и пишущий эти строки все чаще и чаще задирает голову и глядит в небо, прорикая вместе с другими — уже не по звездам, а по космическим ракетам — будущее человечества. Однако, глядя на звезды, я продолжаю упорно думать о нашей дорогой старушке Земле, которая настоятельно просит помнить о ней именно теперь — в эпоху завоевания неба...

Наступило серьезное потепление в международной атмосфере, чему блестяще способствовал могучий взламыватель льдов «холодной войны» советский премьер Никита Сергеевич Хрущев своей поездкой в США. Однако до полного успокоения издерганных нервов старушки Земли еще немалый путь.

Нашей прекрасной планете опротивело быть нашпигованной гигантскими запасами оружия. Взрывная сила этого оружия стала уже абсолютно абсурдной: она в несколько раз больше, чем нужно, чтобы опустошить не один земной шар! А ведь у нас, людей, есть только один, да и тот на всю жизнь.

Вполне понятно поэтому, все население старушки Земли с надеждой и радостью затаило дыхание, когда в огромном зале ООН премьер Советского Союза предложил всем народам полное и всеобщее разоружение.

Аргументация советского предложения была столь сильной, прямой, проникнутой подлинной заботой о благе людей, что не только все трудовое население планеты встретило с энтузиазмом эту простую и разумную идею. Многие видные политики из различных политических лагерей признали, что таким и должен быть почетный выход для человечества из тупика ядерных вооружений.

В истории Земли записано одно характерное обстоятельство, и его небеснополезно запомнить: открытие атомной энергии, возмещающее наступление новой эпохи, впервые было осуществлено в капиталистическом мире. Но это не побудило его к мысленному по-новому. Седой, угрюмый, ослабевший капитализм ничего нового, кроме новой гонки вооружений, не сумел придумать в годы величайших научных открытий. Страшно становится при мысли: а что, если бы мир, как и менее полувека назад, все еще оставался капиталистическим, разделенным на лагери враждующих империалистических держав?

Вот почему наша старушка Земля, так же как и сотни миллионов земных людей с чувством облегчения и благодарности думает о том, что Советский Союз родился и окреп во время! Эта мысль на гигантском пространстве от Аляски до Индонезийского архипелага и от Огненной Земли до Камчатки будет сопутствовать людям в день 7 ноября.

Советский Союз предупреждал идеологов атомного господства над

миром: на этом пути вы ничего не выиграете! Вы убедитесь в абсурдности политики «с позиции силы»! Вы должны будете в конце концов понять, что в эпоху, когда наука высвободила колоссальную энергию атома, только политика переговоров — единственно возможная и мыслящая политика государств и народов.

Осенью 1959 года — во время поездки Н. С. Хрущева по Соединенным Штатам — была подтверждена эта историческая правда Советского Союза. Президент США согласился на политику переговоров, на исключение войны как средства решения спорных вопросов. Прекращение гонки вооружений и начало полного разоружения, предложенного Советским Союзом, стали в повестку дня.

На Западе существуют, однако, люди, которым это не по душе. Они даже изобрели парадоксальную теорию, что «США слишком богаты, чтобы позволить себе роскошь разоружения».

Мне приходилось много раз бывать в США. В последнее время я провел там два года и написал книгу об этой интересной стране и о ее энергичном народе. Я видел в равной мере и богатство и силу США и нужды и слабости американского общества. Потому-то я и не верю в нелепую теорию, будто богатый «дядя Сэм» вынужден или обязан ежегодно бросать большую часть своего золота в капиллюсы атомной смерти. Если он делает это — впрочем, в таких масштабах впервые в своей истории, — то по причине совершенно иной, достаточно известной. Эту причину — гигантские прибыли фабрикантов оружия — уже давно, еще в прошлом веке, назвал один тогдашний европейский корреспондент газеты «Нью-Йорк трибюн». Этим корреспондентом был Карл Маркс.

Но истинная правда в том, что богатые Соединенные Штаты слишком «бедны» для того, чтобы все граждане США жили в достатке, чтобы все их 50 штатов имели столь расхваливаемый «американский уровень жизни» и прежде всего, чтобы вся молодежь Америки получила обещанное образование.

Однако таких чудес, чтобы из одного доллара выкроить половину на вооружения, а вместе с тем оставить еще две половины на капиталовложения и образование, не бывает даже в Америке.

Великим архитектором грядущей эпохи является крепнувший, уверенный в своей созидательной мощи лагерь строителей социализма и коммунизма. В этом лагере объявлено бессмысленным и губительным производство оружия уничтожения и одновременно показано всем народам, что можно создать на Земле — а также и в небесах — мирными средствами науки и освобожденного труда.

Вот почему наша славная старушка Земля улыбается загорающей надежде, которую вселили в ее душу простое и мужественное слово Н. С. Хрущева, прозвучавшее с трибуны ООН. Она верит, что после стад троглодитов, бродящих, избивая друг друга, по ее поверхности, после того, как вплоть до половины XX века люди взаимно истребляли друг друга во все более опустошительных войнах, наступит новая эпоха — эпоха мира, эпоха подлинного и исчерпывающего разоружения. Эпоха, когда человеческая кровь перестанет обгарять ни в чем неповинную Землю.

В УПРОЧЕНИЕ МИРА

УСТАМИ Н. С. ХРУЩЕВА ГОВОРIT

ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД

Н. С. ФИЛАТОВ,
бригадир бригады коммунистического
труда Ростокинской камвольно-отделочной
фабрики

Бригадир Н. С. Филатов и помощник мастера Зоя Кириллова просматривают готовую продукцию.
Фото Б. Кузьмина.

Когда товарищ Хрущев был с визитом в США, наша бригада коммунистического труда с ослабленным вниманием следила за этим важнейшим историческим событием. Перед началом рабочего дня мы, как правило, обменивались мнениями об очередных выступлениях Никиты Сергеевича Хрущева в США. Надо сказать, что меня, как и товарища Хрущева, зовут Никита Сергеевич. Поэтому кто бы ни встретил меня на фабрике, первый вопрос всегда был: «Ну как, Никита Сергеевич, здорово работает твой тезка в Америке?! Читал, как режет он правду-матку господам капиталистам, как страстно выступает за мир и дружбу между народами?!»

«Товарищ Хрущев показывает нам всем пример. Вот и нам надо так же достойно выполнять свой долг перед Родиной!» — отвечал я. В обеденный перерыв мы всей бригадой читали газеты, слушали по радио передачу выступлений товарища Хрущева. Они всегда вызвали наше восхищение. Что ни слово товарища Хрущева, — будто ты сам это говоришь, говорит весь советский народ. Особенно западало в душу то, что он говорил о мире, о полном разоружении.

Мы перебирали жизнь каждого члена нашей бригады. Я, бригадир, воевал, остался жив, но семья наша понесла много жертв в минувшей войне. Живу я хорошо, дочь моя окончивает Московский энергетический институт. Разве нужна мне война? А работнице Розе Алудиновой, у которой муж погиб на фронте? Три ее дочери и зять тоже работают на нашей фабрике, живут

безбедно, всем обеспечены. Уж не Зое ли Кирилловой, нашему помастера, нужна война? Она недавно окончила вечернее отделение текстильного техникума, хорошо зарабатывает, дорожит званием нашей бригады, показывает подлинно коммунистическое отношение к труду. Нет, советским людям война не нужна, как, конечно, и простым людям в США!

В Америке кое-кто пытался Никите Сергеевичу доказывать «преимущества» капитализма. Такие попытки получали достойную отповедь со стороны советского гостя. Как нам хотелось быть вместе с Никитой Сергеевичем, чтобы добавить к его рассказу о великих победах социалистического строя рассказ и о нашей фабрике, о ее людях!

К стене фабричного здания прикреплена мемориальная доска. На ней начертаны слова:

«Декрет Рабоче-Крестьянского Правительства о конфискации Ростокинской красильно-аппретурной фабрики 17 (4) января 1918 года».

Ввиду категорического отказа владельца Ростокинской красильно-аппретурной фабрики в селе Ростокино, Московской губернии и уезда продолжать производство, несмотря на имеющиеся в ней запасы сырья и топлива, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество упомянутой фабрики, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики...»

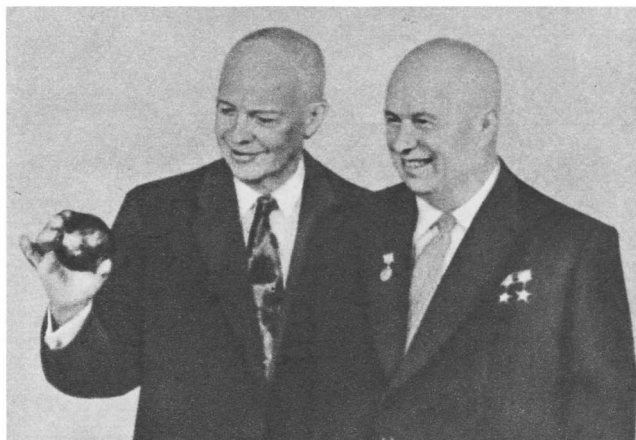
Под этим декретом стоит подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Фабрика наша построена еще в 1876 году, и перед революцией ею владел немецкий капиталист. Чем же стала она, перейдя в собственность Российской Республики по декрету Ленина? Фабрику не узнать! Она меняется и теперь из года в год, оснащается новым, совершенным оборудованием, переживает в условиях социалистического строя вторую молодость. Разве этот пример не подтверждает слова товарища Хрущева о преимуществах социалистической системы хозяйства перед капиталистической?

Товарищ Хрущев призывал американцев к миру, к дружбе, говорил о возможности широкой и свободной торговли между нашими странами. Мы видим в нашем цехе не только отличные отечественные машины, но и машины, доставленные из Англии. Это добротные машины, и мы ими довольны, хотя у нас, в Советском Союзе, делают и лучшие машины. Почему же, думали мы, американцам не поставлять нам оборудование, в котором мы нуждаемся, ведь они на этом зарабатывают, а торговля укрепит мир и дружбу между нашими странами?

Наша бригада глубоко удовлетворена итогами поездки Н. С. Хрущева в США. Мы горячо благодарим его за ленинскую принципиальность и последовательность в защите интересов рабочего класса и всех трудящихся, за то, что он так хорошо и твердо отстаивал идеи коммунизма и мира. И мы последуем призыву Никиты Сергеевича и сделаем все, чтобы выполнить и перевыполнить семилетний план. Победа в мирном соревновании будет за нами, за страной социализма!

ТАКОВА ВОЛЯ НАРОДОВ

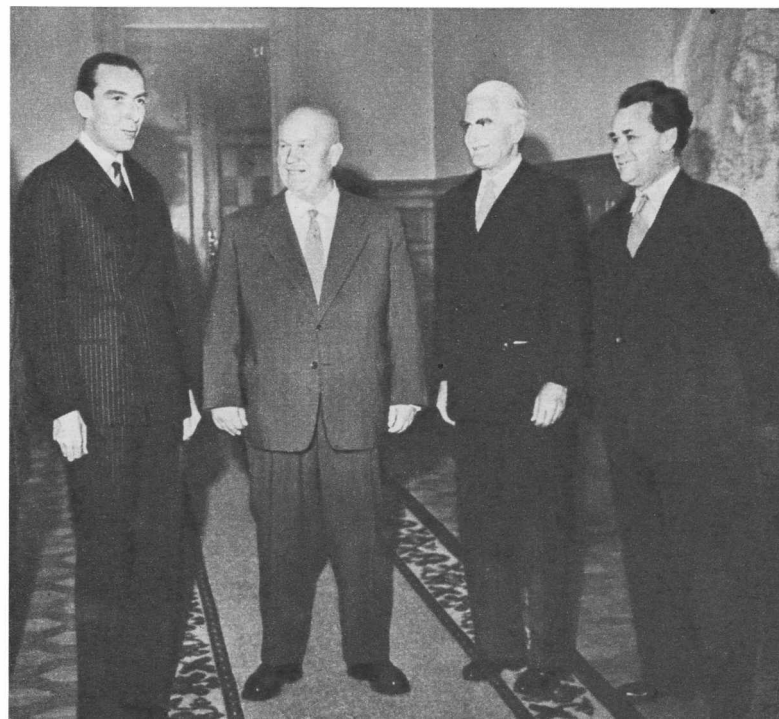

ЖИТЬ В МИРЕ
И ДРУЖБЕ!

«Жить в мире и дружбе!» — такова воля советского народа, многократно выраженная Н. С. Хрущевым во время его недавней поездки по Соединенным Штатам Америки. Сейчас все документы этой знаменательной миссии мира собраны в одной книге и выпущены Государственным издательством политической литературы. Книга отлично оформлена, издана массовым тиражом.

Министр внешней торговли Италии Дель Бо нанес визит Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Между Н. С. Хрущевым и Дель Бо состоялась беседа.

На снимке (слева направо): Дель Бо, Н. С. Хрущев, посол Италии в СССР Л. Пьетромарки, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев.
Фото А. Конькова (ТАСС).

Москва. 16 октября 1959 года. Прием в Кремле делегации женщин — колхозниц и работниц совхозов Рязанской области.
Фото С. Раскина.

СОВЕТСКИЙ И ДАЛЬНИЙ

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ,
председатель Совета Министров РСФСР

С Дальним Востоком издавна были связаны представления об отдаленной и малозаселенной окраине нашей Родины с дикими, непроходимыми чащобами тайги, грядами сопок и гор, среди которых мощные реки стремительно

вливают свои полные воды в моря Тихого океана.

Немало славных страниц вписали в историю Дальнего Востока его первооткрыватели: Иван Москвитин и Семен Дежнев, Василий Поярков и Ерофей Хабаров, Вла-

димир Атласов и Геннадий Невельской. Имена «Российских Колумбов» увековечены на дальневосточных картах.

Твердой ногой встав на Тихом океане, русские люди столетие назад явили миру пример воинской доблести при защите Петропавловска-на-Камчатке.

Вместе со всем народом труже-

ники Дальнего Востока поднялись на борьбу за власть Советов под знаменем партии большевиков. В историю гражданской войны вписаны немеркнущие страницы героических революционных боев под Волочаевкой и Спасском.

Изгнание интервентов и бело-гвардейцев с Дальнего Востока приветствовал великий Ленин. «Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма», — писал Владимир Ильич председателю Совета Министров Дальневосточной республики 26 октября 1922 года.

Спустя два с лишним десятилетия доблестная Советская Армия, разгромившая немецко-фашистских захватчиков, выполняя свой союзнический долг, нанесла сокрушительный удар и заставила сложить оружие также и японских самураев, зарившихся захватить советский Дальний Восток.

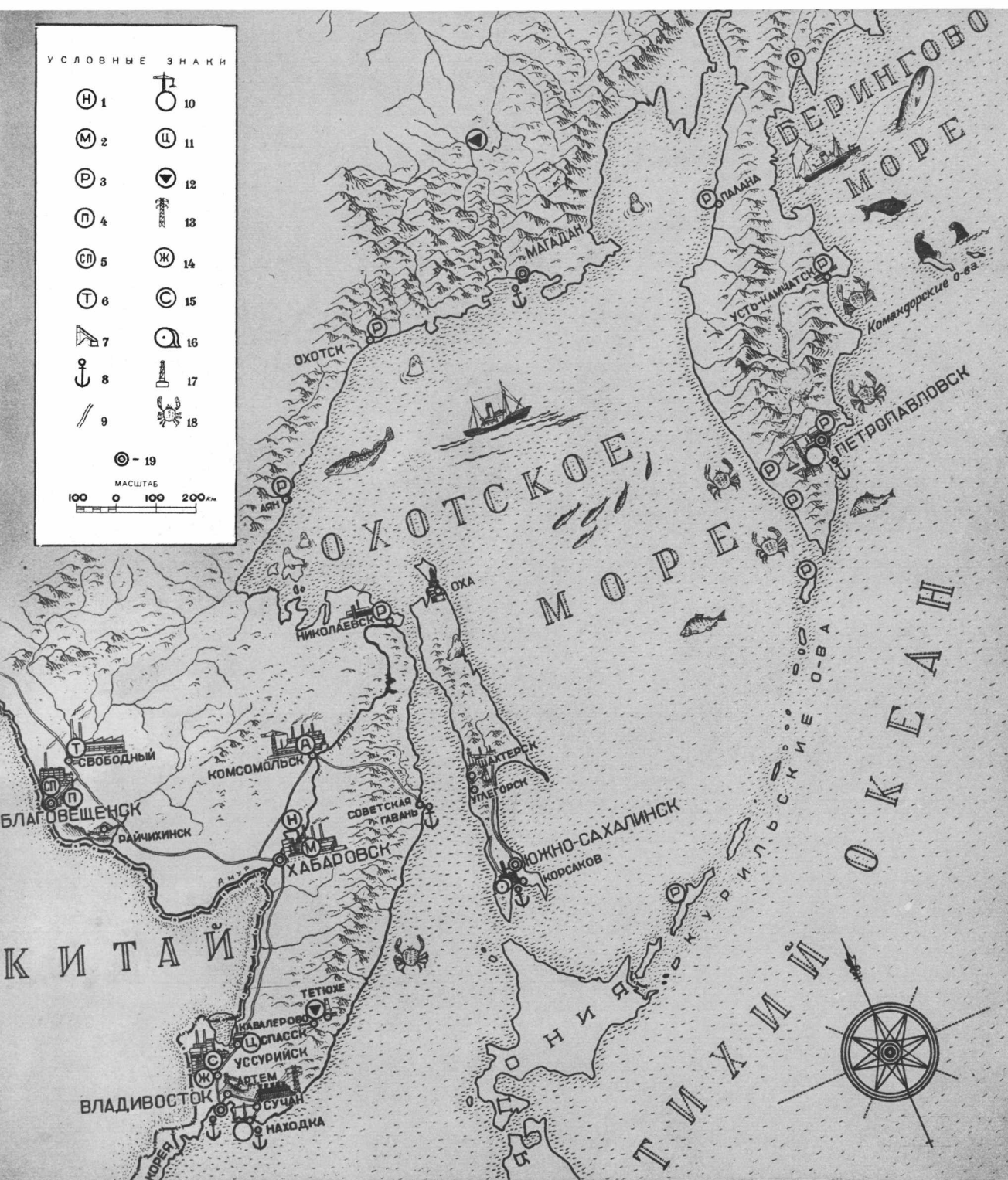
Неповторимо разнообразие природных и климатических условий этого удивительного края на всем его пространстве от суровых берегов студеного Берингова моря и тундры Чукотки до рисовых полей и плантаций сахарной свеклы, произрастающих под ярким солнцем Приморья. Всюду таятся неслетные богатства. Земные недра богаты цветными и редкими металлами, углем, нефтью и другими полезными ископаемыми. Огромны площади лесов, отличающихся разнообразием древесных пород. Моря и реки изобилуют рыбой.

Но только в годы социалистического строительства, предвоенных и послевоенных пятилеток эти богатства были широко использованы в интересах развития производительных сил нашей Родины. Преобразился облик далекой окраины. В тайге, в горах и на пустынных побережьях выросли новые города: Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Находка, Артем, Амурск и другие, — задумали заводы, построены железные и шоссейные дороги, в недра устремились стволы шахт. Да и само понятие отдаленности стало в наши дни условным, ибо самолет за 9—10 часов преодолевает расстояние от столицы нашей Родины до берегов Тихого океана.

Значительно увеличился объем промышленного, жилищного и социально-культурного строительства на Дальнем Востоке после проведенной нашей партией и правительством реорганизации управления промышленностью и строительством.

Труженики Дальнего Востока вместе со всем советским народом осуществляют величественную программу семилетки, начертанную XXI съездом КПСС.

Ярким проявлением внимания к Дальнему Востоку со стороны Коммунистической партии и Советского правительства явилось недавнее пребывание здесь

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

1. Нефтеперегонный завод.
2. Завод станков и автоматов.
3. Предприятия рыбной промышленности.
4. Предприятия пищевой промышленности.
5. Спичечная фабрика.
6. Завод запчастей к автомобилям и тракторам.
7. Добыча каменного угля.
8. Порты.
9. Железные дороги.
10. Судоремонтные предприятия.
11. Цементный завод.
12. Рудники цветной металлургии.
13. ГРЭС.
14. Масложиркомбинат.
15. Сахарный завод.
16. Бумажная фабрика.
17. Нефтепромыслы.
18. Места добычи крабов.
19. Областные центры.
- А. Завод черной металлургии.

ВОСТОК

Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева, посетившего Дальний Восток уже второй раз за последние годы.

В своем выступлении на общегородском митинге трудящихся Владивостока, в беседах с тружениками самых различных профессий Никита Сергеевич подчеркнул огромное значение для Советского Союза богатств Дальнего Востока, показал захватывающие перспективы коммунистического строительства в крае на ближайшие годы.

В соответствии с директивами XXI съезда КПСС об ускоренном развитии производительных сил восточных районов для Дальнего Востока предусмотрены опережающие темпы индустриального развития. При общем росте промышленной продукции в целом по РСФСР примерно на 80 процентов предприятия дальневосточных совнархозов увеличат в 1965 году производство почти вдвое.

Серьезное развитие получит машиностроение. Хабаровский край, уже сегодня известный своими станками, турбинами, комбайнами, в ближайшие годы обогатится новыми заводами. В Комсомольске-на-Амуре реконструируется завод «Амурсталь», являющийся крупной базой черной металлургии на Дальнем Востоке.

Широкие перспективы открыты и перед горнодобывающей промышленностью. Цветная металлургия Дальнего Востока уже сейчас занимает видное место в экономике страны. В краях и областях Дальнего Востока строятся новые рудники и обогатительные фабрики, увеличивается добыча золота, олова, свинца, молибдена и других цветных и редких металлов.

Дальний Восток богат каменным углем. Наряду с шахтной добычей здесь приобретает все большее значение дешевый, экономически эффективный открытый способ. Задача шахтеров — систематически повышать производительность труда, добиться резкого снижения себестоимости угля.

Большие требования предъявляются и к нефтяникам Сахалина. С открытием нового богатого месторождения Тунгор сахалинские нефтяники получили возможность увеличить добычу нефти к концу семилетки более чем в полтора раза.

Растет энерговооруженность Дальнего Востока. Строятся новые теплоцентрали на базе использования углей Райчихинска, Артема, Сучана, прокладываются новые высоковольтные линии.

Рыбаки Приморья и Камчатки, Амура, Сахалина, Охотского побережья дают около 40 процентов всей рыбы, добываемой в Российской Федерации. Добавим к этому, что все крабы, а также почти все лососевые рыбы добываются на Дальнем Востоке.

Характерная черта в развитии дальневосточной рыбной про-

мышленности — это систематическое увеличение активного морского лова. Из года в год промысловый флот охватывает новые промышленные районы вдали от берегов. В семилетке флот рыбной промышленности пополнится большими морозильными траулерами, крупными судами-рефрижераторами, плавучими крабовыми заводами, китобойной флотилией. Вступают в строй новые холодильники, склады, портовые причалы. Рост технического вооружения рыбной индустрии в семилетке рассчитан на то, чтобы лучше использовать богатейшие природные ресурсы морей, давать больше высококачественной рыбной продукции. Будут строиться утилизационные заводы с тем, чтобы значительно увеличить производство кормовой муки, удобрений для сельского хозяйства.

В целях более правильного использования флота и сырьевой базы рыбная промышленность Приморья, Камчатки, Амура, Сахалина и Охотского побережья теперь объединена в республиканском главке, расположенном во Владивостоке.

Большой шаг вперед сделает и лесная промышленность. Огромные запасы дальневосточных лесов до сих пор использовались слабо, главным образом для заготовок древесины. В семилетке возникнут новые отрасли: производство бумаги и целлюлозы, а также лесохимия. Центром лесобумажной индустрии станет Амурск, строящийся сейчас в Хабаровском крае.

Обширная программа строительства обеспечивается дальнейшим развитием промышленности строительных материалов. В Приморском крае расширяется крупный Спасский цементно-шиферный завод. В Хабаровском крае уже вступил в строй Теплоозерский цементный завод-гигант, строится крупный завод отопительного оборудования.

Всестороннее развитие производительных сил Дальнего Востока немыслимо без крутого подъема сельского хозяйства. Возделывая плодородные земли Приморья и Приамурья, развивая животноводство, труженики колхозных и совхозных полей могут и должны уже в ближайшее время обеспечить полностью потребность населения Дальнего Востока в картофеле, овощах, мясе, молоке, яйцах.

В Хабаровском и Приморском краях, а также в Амурской области предстоит поднять сотни тысяч гектаров целинных земель для резкого увеличения производства картофеля, овощей, кормовых культур и зерна. Большие массивы будут освоены в Приморье под посевы сои — ценнейшей масличной культуры. Наряду с этим труженики колхозов и совхозов должны добиваться увеличения урожайности всех сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

Новые овощеводческие и молочно-животноводческие совхозы создаются на Камчатке и Сахалине. В тех же районах Дальнего Востока, где нет условий для развития сельского хозяйства, будут широко развиваться северное оленеводство и пушное звероводство.

Коммунистическая партия и Советское правительство отечески заботятся о тружениках Дальнего Востока. Разрабатываются крупные мероприятия по оказанию помощи Дальнему Востоку как в ускоренном развитии его производительных сил, так и в улучшении условий жизни трудящихся. Особенно большое внимание будет уделено жилищному строительству в городах и рабочих поселках Дальнего Востока.

Многие, кому недавно довелось вновь побывать на Дальнем Востоке, увидели, какие огромные перемены произошли здесь за последние годы. На необъятных просторах чудесного края кипит жизнь, повсюду воздвигаются новые заводы, рудники; тайга уступает место прокладываемым железным и шоссейным дорогам; строятся красивые города и рабочие поселки, школы

и больницы. Вообще складывается впечатление, что края, области и районы Дальнего Востока превратились в огромные строительные площадки. Расширяется сеть культурно-просветительных учреждений, курортов и здравниц. С каждым годом улучшается благосостояние, повышается жизненный уровень дальневосточников.

Освоение богатств Дальнего Востока — всенародное дело. Необъятный край нуждается в притоке новых сил, новых людей — смелых, волевых, не боящихся трудностей, умеющих подчинять себе капризные силы природы, пионеров освоения необжитых земель и нехоженых троп. Такие люди повседневно воспитываются нашим советским строем, закаляются в ходе коммунистического строительства.

Каждый год тысячи энтузиастов переселяются на Дальний Восток по зову Родины, по велению собственных сердец. Они прочно оседают на новых местах, строят заводы и города, множат ряды советских патриотов-дальневосточников. Их творческим созидательным трудом советский Дальний Восток будет превращен в цветущий край — край изобилия.

ТАМ, ГДЕ ПРОЕЗЖАЛ ЧЕХОВ

Бригада Анатолия Трофименко ведет укладку пути.

У обочины дороги лежит большой камень. Шоферы объясняют: — Чеховским называется. Говорят, Антон Павлович отдыхал на нем, проезжая тут.

Да, Чехов, побывав в этих краях, надеялся, что вдоль самой многоводной на Сахалине реки Тыми, «быть может... пройдет железная дорога».

В наши дни мечта великого писателя становится явью. Железная дорога вдоль Тыми — одна из многих новостроек Сахалинского экономического административного района.

«Дорогой смерти» называли когда-то проходившую здесь тропу каторжников. Дорогой жизни станут рельсы, которые скоро пролягут от Победины — конечной станции Южно-Сахалинской железной дороги — до поселка Ныш.

Строители дали слово к 42-й годовщине Октября довести трассу до старого села Палева, до того самого Палева, которое А. П. Чехов в свое время называл «концом света».

Болота, угрюмые, коварные... Шагнешь в сторону от полотна — и трясина засасывает ноги. Здесь в борьбе с трудностями родился один из многих коллективов коммунистического труда.

Бригада путейцев Анатолия Трофименко находилась вдалеке от поселка Омор — основной базы строителей, — когда начался разлив реки Дальдаганки. Автомашина с продуктами не приехала: затопило дорогу; Дальдаган, будущий полуостров, стал островом. В тот вечер приняли решение: урезать пищевой рацион вдвое.

Дальдаганка гнала и гнала мутные воды. Рацион уменьшили еще в два раза.

— Кто хорошо плавает? — Анатолий обвел взглядом притихших ребят.

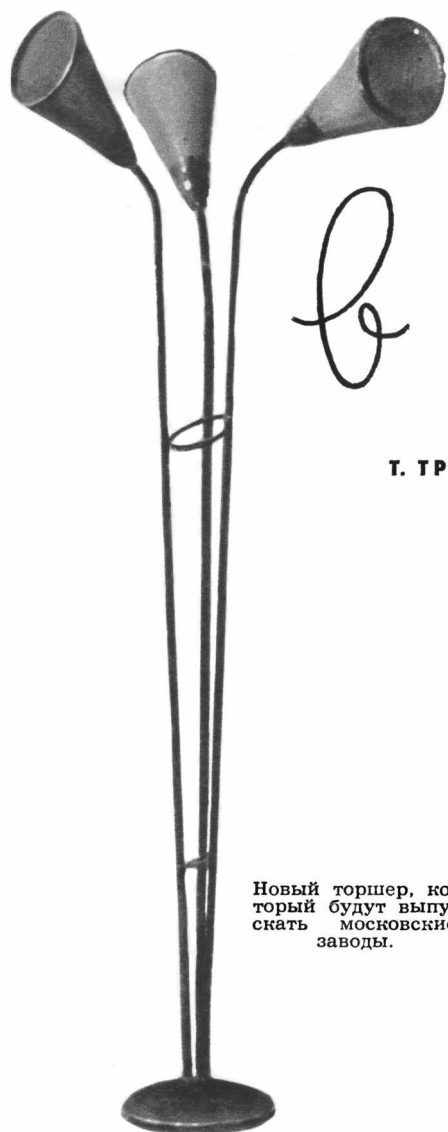
Оказалось, что хорошо плавают все. Выбрали «снабженческую группу»: Женю Ключко, Ивана Земскова, Евгения Аптухова и Кан Дек Су. И снова приняли решение: по очереди попарно пробиваться за продуктами к Омору, а на стройке по-прежнему давать не менее полутора норм.

Сколотили плот. Первыми на нем пошли Женя Ключко и Иван Земсков. Плот рвануло, как только отнесло от берега, и... перевернуло. Но навстречу шла подмога. Через самую буйную реку Омор мостостроители перекинули канат.

Около двух месяцев молодые путевцы находились на острове и работали. Почти в два раза быстрее, чем намечалось планом, бригада прошла намеченный участок дороги...

Звание коллектива коммунистического труда было присуждено бригаде Анатолия Трофименко единогласно.

В. АНЦИФЕРОВ,
корреспондент газеты «Советский Сахалин»
Фото автора.

Новый торшер, который будут выпускать московские заводы.

ЭТО СКОРО ПОЯВИТСЯ в наших домах

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Риммы Лихач.

Кухня — это царство женщины. К счастью или к сожалению, но власть ее здесь абсолютна и неограниченна. Право же, главе семьи безразлично, выстирана ли его праздничная рубашка машинной или неутомимыми руками жены. А вот женщины, будь то доктор химических наук или колхозница, артистка или маляр, писательница или шофер, конечно, мечтают тратить поменьше времени на хозяйство и побольше заниматься детьми и любимой профессией. Какое счастье доставать из машины чистое белье, которое положено туда пять минут назад; подключить шланг картофелекостки к водопроводному крану и вынуть очищенные полтора килограмма картошки; иметь уют с терморегулятором и подпаривающим устройством; ставить в холодильник обед, сваренный на 2 дня.

Вот почему женщины с такой радостью встретили постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по увеличению производства, расширению ассорти-

мента и улучшению качества товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода». Постановление это — новое свидетельство заботы партии и правительства о благе народа. И, в частности, оно имеет самое непосредственное отношение к тому, чтобы облегчить труд хозяек.

Теперь это уже совсем не неосуществимая мечта — «нажать кнопку — и пирог готов!». Зайдите по адресу: улица Куйбышева, 6, «Торговая палата», выставочный павильон.

Мы расскажем о некоторых экспонатах этого чудесного павильона не затем, чтобы подразнить воображение хозяек, а потому, что в самом ближайшем будущем все эти вещи придут в наши магазины и мы сможем купить их.

Вот радиоприемники — от миниатюрных, портативных до комфортабельных радиомобайнов. Двухдиапазонный «Сюрприз», удобный, легкий и умещается в кармане пиджака. Телевизоры великое множество. Здесь и тот образец, о котором говорится в постановлении, — кинескоп с отклонением электронного луча на 110°. Есть и «Мокеды» — это не мотоцикл, не мотороллер, но и не велосипед, что-то среднее.

А вот и стиральные машины новых образцов, рядом с которыми две устаревшие модели не выдерживают никакого сравнения.

Холодильники... «ЗИЛ-240» по габаритам почти такой же, как и «ЗИЛ-165», а по емкости в полтора раза больше и гораздо удобнее.

Электрические плиты, утюги с терморегуляторами, оригинальные тостеры для поджаривания хлеба, нового вида мясорубки. Красивые торшеры, люстры, которые не пылятся и приятных цветов и оттенков. Мебель, детские игрушки...

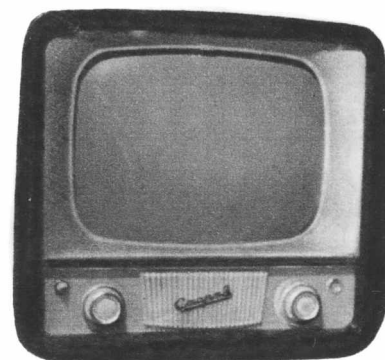
В эти дни павильон не пустует. Представители фабрик, заводов, торгующих организаций с особой заинтересованностью осматривают модели, которые наконец будут тысячами и десятками тысяч выпускаться предприятиями нашей страны.

Уже в этом году Омский совнархоз выпустит новую стиральную машину «Сибирь». В этой конструкции есть выключатель, рассчитанный на определенное время, машина выжимает белье и легко передвигается на колесиках. А если надо открыть крышку и положить туда еще белье, то машина сама отключится от электрической сети.

Московский завод «Газоаппарат» на базе старой модели холодильника сконструировал новый — «Север-3». Вместо прежней емкости — 65 литров — он будет емкостью 100 литров при тех же самых габаритах и при экономии металла. Уменьшится и расход электроэнергии.

Только что завершено испытание новой модели электрической швейной машины «Тула-6». Она портативная, легкая, может пришивать пуговицы, кнопки, крючки, обметывать петли, сшивать ткани встык зигзагообразным швом, она штопает, «занимается» и художественной вышивкой. А Подольский механический завод имени Калинина изготовил и испытал новый образец швейной машины «Зиг-Заг».

Завод «Комега» уже в этом году даст несколько тысяч щеток-пылесосов, а в 1960 году — 60 тысяч. У щетки-пылесоса пластмассовый корпус и надежный электромотор. Львовский телевизионный завод в будущем году выпустит в два раза больше телевизоров. Он осваивает сейчас телевизор «Украина», который, кроме печатной схемы, кинескопа с экраном 53 сантиметра и углом отклонения 110° и приспособлением для дистанционного управления, имеет и еще одно необычайное удобство — «волшебное

«Старт-3».

зеркало» телевизора может вращаться по кругу.

Московский телевизионный завод будет делать новый, современный телевизор «Темп-6».

Все это, конечно, только начало...

— Предприятия Московского городского совнархоза, — говорит заместитель председателя Московского городского совета народного хозяйства В. Ф. Жигалин, — за последние годы значительно увеличили производство товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Однако уровень производства многих товаров еще отстает от постоянно растущих потребностей населения. Мы разрабатываем меры по дальнейшему улучшению оснащения предприятий новейшим технологическим оборудованием. Будут выделены дополнительные сырье и материалы для производства сверх плана в четвертом квартале этого года предметов широкого потребления. Предприятия совнархоза приняли обязательство выпустить в этом году на 75 миллионов рублей дополнительно к плану товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. А за девять месяцев торговая сеть уже по-

Новая стиральная машина

лучила их на 100 миллионов. Мы ставим перед собой задачу в ближайшее время добиться такого положения, чтобы каждое предприятие совнархоза выпускало товары массового потребления, культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Одним словом, совнархоз принимает все меры к тому, чтобы выполнить постановления партии и правительства.

...И тогда — а это ведь будет в недалеком будущем — в любом магазине, и в столичном и в периферийном, на прилавках разместятся удобные, нужные, красивые вещи. А в своем царстве женщина будет обретаться не в фартуке и с извечной тряпкой в руках, а в нарядном одеянии, потому что и кухня станет обитать чистой, а всю грязную работу сделают за хозяйку механизмы. Впрочем, фартук, может, останется, но и он будет празднично нарядным.

Завод «Газоаппарат». В упаковочном цехе.

А. И. Плотнов. ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ.

«Огонек».

И. В. Рыбачук. НА КУРИЛЬСКОМ КИТОБОЙНОМ КОМБИНАТЕ.

ЛЕСНЫЕ ВЕТРЫ

Юлия ШЕСТАКОВА

Рисунки И. БРУНИ.

Природа — подсказчица

В глубоком распадке блестит небольшое зеркальце воды, недвижной, тихой, как все непроточные воды, лишенные счастливого свойства бежать далеко...

Дуплистые, корявые липы, темнокорые клены столпились вокруг него, будто живые души. Там, наверху, в путанице ветвей, на которых еще только-только начинают распрямляться листочки, слышится осторожное лопотание. Ветер слегка шевельнул макушки больших деревьев, и деревья зашумели.

Как понять: оберегают ли они это зеркальце или спорят между собой, а может быть, просто хотят поглядеться в него, да не могут?

Совсем недавно у зеркальца появилась золотистая оправка: расцвела калужница — неприхотливый цветок. Расцвела, и в воде отразились все ее прелести в полный рост: желтая чашечка, круглые листья с глянцем. А рядом от большого дерева только часть ствола колеблется на воде, красноватые блики дрожат и переливаются.

Я смотрю то на ствол, то на это цветное отражение. Так вот оно что! Зима была суровая, мороз ударил по стволу и рассек его. Теперь оранжевый сок пенится, стекает по трещине вниз, расталкивая муравьиные полчища...

В этом зеркальце сразу вместились вся весна чьей-то маленькой жизни. Но для того, чтобы узнать тайну живого ствола, не обязательно искать такое зеркало, в котором дерево отразилось бы вместе с листьями и корнями...

Облака и коровы

Давно это было. Но как сейчас вижу берег шумной таежной речки Пёры, поросшей черемухой и колючей бояркой. На той стороне темнеет сосновый бор, а тут, где мы с сестренкой пасем деревенское стадо, расстилаются зеленые луга. Все они в желтых пятнах зверобоя, в белых зонтиках дудника и еще в каких-то мелких синих цветках. Там, где трава уже скошена, между стогами щетинится молодая отава.

Жарко. Пахнет водой и солнцем...

Мы только что искупались и лежим под стогом в тени, смотрим на небо — две босоногие девчонки. Стадо разбрелось по кустам.

Коровы щиплют сладкий пырей, бьют хвостами, отмахиваются от назойливых, злых паутов.

— Давай завернем их, а то уйдут на пашню, тогда не догоним, — говорит мне сестренка.

Но я не могу оторваться от волшебного видения в небе.

— Сбегай ты сперва, — говорю ей, — потом я побегу...

Ловкая, быстрая, как кузнечик, сестренка скачет по кустам. Сейчас она догонит Зоренчиху — самую противную корову, за которой вечно тянется стадо, куда бы она ни повернула. Я не люблю эту Зоренчиху. Может быть, потому, что ее хозяйка, бойкая, сварливая старуха Зоренкина, часто заходит к нам в избу и все кивает на нас: куда это, для чего девчонок так долго учите, каждую зиму в город посылаете?

Гудит над ухом комар. Пауты жалят ноги. Я отгоняю их вместе с мыслью о Зоренчихе и гляжу на облака. Они тоже разбрелись по небу, и у них есть свой пастух. Он гонит их бесконечные вереницы.

Вот одно небольшое облачко задержалось над нашим стогом. Какое оно белое!.. Из чего оно? И что за ним? Далеко ли до неба? А может быть, это не облачко? Вон какие у него вырастают крылья! Сестра бы на эти крылья и улететь далеко-далеко... Посмотреть бы, что там, за нашей деревней, какие люди!

Вернулась сестренка. Но крыльев уже не было. Вместо них появился огромный дед с бородой, в колчуге и в шлеме, будто Илья Муромец из книги «Былины»... Только очень скоро ветер растрепал в клочья его бороду, свалил с него шлем, и вот уже не Илья Муромец, а какая-то злая старуха грозит нам палкой оттуда, сверху...

Долго следили мы за игрой облаков и ветра. А когда на закате солнца пригнали домой стадо, для нас приготовили розги. Мы провинились. Оказывается, коровы паслись в чужих овсах, и нам теперь придется платить за потраву.

Давно это было... Помню, я стояла в углу сердитая, но не от боли, а оттого, что нельзя было повернуться лицом к окну, чтобы видеть там окрашенное закатом облачко: куда оно понесется? Во дворе противно мычали коровы. «Вот кого надо было бить, чтоб не ели чужой овес!» — думала я тогда, не подозревая, что в жизни мне еще не раз придется слышать трезвый голос, в котором заключена неоспоримая мудрость:

«Надо смотреть на землю. Облако не дает молока...»

Но ведь облако — тоже дитя земли и солнца! Пусть оно далеко, высоко — не достать. А все-таки оно моему сердцу близко. Ведь облако пило пашни дождями... Кому нужна земля без солнца, слово без крыльев?..

Песнь воды

Когда поднимаешься на шестах по реке, длинную удэгейскую лодку трудно толкать вперед, особенно там, где глубокая вода. Мы свернули в протоку.

Протока узкая. Над ней — зеленый полумрак от глухо сомкнутых сверху деревьев. С берега на берег протянулись ветки, перепутались. Иногда мы задеваем о них шестами и нечаянно сбиваем на воду листья. Цветет сирень, белая лесная сирень. Для кого? Кто ее видит тут? По этой протоке люди еще не ходили ни разу, иначе нам не пришлось бы расчищать себе дорогу, перерубать топором живые шлагбаумы, вскинутые слепой силой природы.

Мои спутники, удэгейцы Саламага и Зинцай, утомились, но к берегу приставать не хотят. От шеста уже ноют плечи. С каждым новым взмахом становится все труднее удерживаться на ногах. Сильные струи с шипением расступаются перед нашей длинной, как индейская пирога, лодкой. Стучат о камни шесты: «Раз и два... Раз и два!..»

Над протокой низко склоняются белые, обрызганные водой цветы. Какая-то птица в ярко-желтом оперении перелетела с ветки на ветку. Должно быть, иволга... Почему же она промолчала, не свистнула, не обрадовала нас своим пением?

Все молчит. Желто-зеленым светом отливают вода в протоке. Дремлют дикие травы в душевной тени. Тишина... Слышен только размеренный стук шестов.

Но вот впереди из-под коряги со свистом плеснула струя. Гребень лодки накрыл ее, успокоил. А навстречу уже бегут, торопятся новые струи, гремят, клокочут.

Зинцай отводит шестом ветки, они мешают ему, он ломает их... Я пригибаю голову, оглядываюсь: по воде уплывают белые кисти сирени, первый раз сорванные человеком.

В протоке булькает, звенит и плещется вода, под сводами ветвей отдаются все ее монотонные переливы, из них неожиданно возникает удивительный, еще никем не слышанный напев: он разливается широко, на всю пойму, будит тайгу то голосом гобоя, то звуком валторны, то нежным посвистом флейты-иволги. Птица тоже не выдержала, осыпала трелями застоявшийся воздух...

Стук шестов разделил на такты все эти дикие лесные мелодии, полные смятения и радости.

Сколько же лет ждала природа, чтобы человек услышал ее песню!

Соколы и дым

В прошлом году один мой знакомый краевед, Владимир Николаевич, возвратился из поездки на Шантарские острова и рассказал мне забавный случай...

Пароход, на котором он плыл во Владивосток, изрядно потрепало штормами; что-то было не в порядке с топкой: дым из трубы валил густыми, черными клубами, хлопья сажи оседали повсюду, а над морем ползли осенние тучи, и это, как видно, омрачало настроение путешественника, привыкшего видеть лес, а не море...

— Вы знаете, как порой утомляет море? Плынешь, плывешь — и ничего нет вокруг. Мир кажется однообразным, путь — бесконечным. Так мне все надоело... Вода и вода... И вдруг я увидел: летят птицы! Не чайки, нет... Летят соколы. Два. Поднимаются высоко, падают, снова взлетают и все норовят в дым, в дым попасть. Я засмотрелся на них. Сначала не понял, почему они так ведут себя... Вы знаете, что они делали? Прямо с разлету бросались в черный шлейф дыма, даже крылышки складывали, но... проваливались вниз, до самой воды. Какая наивность, подумайте! Должно быть, соколы были молоды и по неопытности дым принимали за скалы, хотели сесть.

Я с досадой и жалостью глядел, как они оба искали опоры в воздухе. Один из них так обессилел, что уцепился когтями за мачту и, полумертвый, свалился к ногам матроса. Бедняга!.. Я взял его на руки, и тотчас же пальцы мои почернели. Крылья сокола, его нежно-фиолетовые перья были в саже, и весь он, закопченный дымом, взъерошенный, перепуганный, внезапно попавший в плен, казался таким беззащитным... Где ж ты летал? Где был и что видел?

Представьте себе, под пальцами у меня билось сердце птицы, о которой я давно мечтал. Для своих коллекций, вы же знаете, мне приходилось добывать стрижей, вертишейек, сококопутов... Каких только птиц у меня не было! А вот сокол оставался недоступным моему выстрелу. И вдруг у меня в руках сокол, причем необычный. Морской... Я отнес его к себе в каюту... — продолжал ученый рассказывать с веселой усмешкой.

— Ну, и вы, конечно, его препарировали? — невольно вырвалось у меня. — Дальше не интересно...

Сразу вспомнилось, как однажды при мне он убил на Уссури иволгу только затем, чтобы посмотреть, что у нее в желудке. Это произошло внезапно. Грянул залп... Иволга не успела долететь до гнезда и, словно камень, упала вниз, на траву. Есть в науке своя высокая поэзия открытий. Кто этого не знает? И все-таки жаль, когда под выстрелом обрывается пение невинной птицы...

— Нет, подождите! — воскликнул ученый. — Этот сокол-то был молодой, он ведь сбился с дороги, потому и попал ко мне в руки. Я принес его к себе в каюту и долго возился со своим пленником, кормил его, отчищал ему перья. Ну, а потом взял да и пустил на волю... Видели бы вы, как он рванулся от этого дыма в небо! Что значит родная стихия!

«Это и с человеком случается», — подумалось мне...

А ведь как все было бы просто, если бы в поисках верной дороги не тратил силы на дым...

Диервилла

В нашем саду расцвела диервилла — невысокий куст, весь в темно-розовых колокольчиках...

Этот куст диервиллы подарил мне ботаник Иван Гаврилович. Он принес его из тайги.

Куст был невзрачный на вид, жиденький, замухрышка. Можно было пройти мимо него и не заметить. Но Иван Гаврилович знал, в чем живет красота.

— Чудесное это растение! Возьмите для интереса. Не пожалеете, — уговаривал он меня.

Никогда не доводилось мне видеть диервиллу во время цветения, а то, что Иван Гаврилович так ее расхвалил, я отнесла за счет восторженной души ботаника, поэтому жиденький кустик-переселенец получил у нас место в самом дальнем углу сада и долго сидел там, набирая силу, рос, вытягивал к забору пустые ветки, без цветов.

Каждый год, когда наступала весна, первой в нашем саду расцветала японская вишня, розовые лепестки ее покачивались и звенели от множества пчел. Потом яблоня белым облаком долго клубилась за оградой и не могла улететь. До самой осени, пока не покроется ржавчиной последняя астра, перед окнами нашего дома загорались и гасли, таяли и снова рождались на свет звезды, капли, снежинки, искры — цветы... И только один этот куст в углу сада не давал о себе знать...

Но пришла еще одна весна. И вот как-то перед вечером я обратила внимание на то, что длинные ветки диервиллы сплошь покрылись темно-розовыми колокольчиками. Они еще были сомкнуты по краям, эти колокольчики, но уже вот-вот готовы были раскрыться.

Утром над садом поднялось яркое майское солнце. Я выглянула в окно, и мне показалось, что в углу, где растет диервилла, повис упавший с забора чей-то розовый платок или шарфик... Важно вышагивая у калитки, горластый петух прокричал на весь двор:

— Загор-релся ку-уст!

Так расцвела диервилла...

Маленькая девочка из соседнего двора пошла к забору, долго смотрела сквозь щели между дранками на диковинные цветы. Прибежали мальчишки, прилипли носами к изгороди. Никто не верил, что это дикий, таежный куст... Диервиллой любовались соседи, все наши друзья, и было решено перенести

ее из угла сада на самое видное место, в центр.

Осенью я взяла лопату, копнула под корень, но он даже не шевельнулся. Попробовала тащить руками — ничего не получилось. Крепко же засело растение в своем углу! Видно, нелегко будет вытянуть его, придется обкапывать со всех сторон. Я опять взялась за лопату, и снова диервилла не поддавалась, только хрустнуло что-то в земле...

Тот, кто сажал деревья, знает, как досадно бывает, когда надломишь неосторожным движением их корни. Я отбросила в сторону лопату...

А почему диервилла должна непременно быть на виду? Кто это придумал? И зачем? Не всякое растение привычно к яркому свету. Здесь все, как в тайге: та же твердая почва,

какую любит она, диервилла, так же мягко, не обжигая, сквозь листву больших деревьев ей ласково светит солнце. Пусть растет!

Диервилла осталась на месте. Нынче весной она опять расцвела. И не надо переселять ее никуда. Настоящая красота видна и в дальнем углу. И не все то прекрасно, что сидит в центре.

Но всегда находится петух, который кричит не то, что надо...

Корень жизни

— Слушай, я хочу показать тебе корни панцуй. Живые. Их никто не видал. Один я знаю... Только, понимаешь ты, надо скорее в тайгу идти, а то глаза мои совсем плохо видят...

Так однажды говорил мне старик Чауна — веселый человек. Я слушала и молчала. Иногда за женьшень люди принимают совсем другое реликтовое растение, тоже с пятью листьями, очень похожее на него. Мог старик ошибиться, тем более что Чауна среди удэгейцев никогда не слыл за искателя женьшеня.

Но дело было не в этом...

Чауна терял зрение, и в город его привела беда. Он жил у нас целую неделю, вместе ходили мы с ним по больницам, искали «большого, самого главного доктора», который умеет лечить глаза. Чауна искренне верил в чудо, не забывая, однако, пить на всякий случай медвежью желчь — древнее лекарство лесных людей от всех на свете болезней... Ничто ему не помогало, и не было средств вернуть ему зрение.

Врач сказал мне, что Чауна ослепнет. Охотнику сделаться слепым — все равно что оставить душу в реке. Так говорил Чауна. Жаль его было.

— Один глаз давно пропал... Другой, наверно, починить можно... А то как мы панцуй найдем? Это надо по ключу идти долго. Джонговскую сопку знаешь? Там большой, высокий кедр есть, вершинку ветер сломал... Как раз дальше, еще дальше надо идти. Это где самая вода-ручей бежит. Там есть панцуй. Четыре штуки...

Я спросила, почему же он не выкопал их до сих пор. Чауна склонил набок голову и, смеясь, объяснил мне, в чем дело. Оказывается, корни еще маленькие, в них нет настоящей силы, надо ждать, когда они подрастут. Вот он и ходит туда, каждую осень наведывается.

По вечерам Чауна сидел на кухне, подогнув под себя босые ноги. Разговаривал с моей матерью, вспоминал, как раньше удэгейцы кочевали по таежным рекам. Говорил о своей старушке (она была горбатая и хромая), что у нее «нога хормой, спина тоже хормой... Как такой люди живи?» Говорил и почему-то смеялся...

Несмотря на то, что положение Чауны было безнадежным, он не унывал. Перед тем, как отправиться домой, он ходил со своей внучкой по городу, сделал кое-какие покупки и даже приобрел для себя летнюю белую шляпу с широкими полями.

В то лето жаркие дни стояли, душные были вечера, за городом горела тайга, и в воздухе пахло дымом. Чауна сидел перед открытым окном без рубахи, усталый, говорил, что в магазине очень крутая лестница, много людей

ходит «туда-сюда», спрашивал, почему они все время гуляют, не работают, что ли?.. Хотел и обмахивался новой шляпой.

Когда я сказала ему, что это женская шляпа, он махнул рукой:

— Э-э... Я старик, мое дело теперь все равно...

Так и уехал он в дамской шляпе, не снял с нее даже картонной этикетки с металлической пломбочкой.

Интересный это был человек. Он легко ходил по тайге, знал крутые тропы на перевалах, много раз бывал в экспедициях проводником, умел выдолбить лодку из тополя, сделать весло с фигурной резьбой на рукоятке, сплести сеть... Да мало ли что приходилось мастерить ему за свою долгую жизнь! Говорят, что в молодости он во время ледохода стрелял уток, стоя на льдине. И еще: знал Чауна старинную удэгейскую сказку о чайке, которую надо было рассказывать несколько дней подряд. Мне давно хотелось послушать ее, но всякий раз, встречаясь с Чауной, я откладывала это до более удобного случая.

А время летело...

«Вот теперь-то я обязательно попрошу, чтобы Чауна рассказал мне сказку про чайку, — думала я, когда плыла вверх по Хору к удэгейцам год спустя... — И этот панцуй, который он втайне хранит от людского глаза, непременно надо увидеть».

Но вышло не так... И было уже не до сказок.

Долго стояла я у могилы Чауны, за селом, в глухих зарослях, где в последний раз перед старым охотником расступились деревья и травы. Как же это могло случиться, друзья?

Хромая старенькая бабушка сказала мне, что Чауна ходил в тайгу, простудился там, еле-еле нашел дорогу домой, слег и больше уже не вставал.

А корни панцуй он оставил людям...

Что ж... Когда-нибудь искатель женьшеня найдет у ручья под высоким кедром с обломанной вершиной чудесный этот дар... Но сможет ли он удержать руку, если поймет, что корни еще не набрали жизненной силы? Вот в чем суть... Чауна это знал. И ведь верно, что не всякое дело быстротой живо...

Переключка

Опять весна... Окна открыты настежь. Молодые березки перед домом одеваются в нежную зелень. Я вижу, как игриво они бодают друг дружку своими рогастыми ветками, когда ветер налетит на них внезапно, шевельнет их и притихнет.

Над садом без усталости выются стрижи. Первые гудки паровозов, идущих по Амуру, переключаются молодое и повелительно. Все звуки, далекие, близкие, слились в одну необыкновенно радостную мелодию жизни, зовут куда-то и зовом своим тревожат...

Сквозь весеннее разноголосье я слышу: пропевают дробные, тоненькие, писклявые звуки радиокода. Один, другой, третий... Они нарастают, крепнут, заполняют собой воздух: «Слушайте меня! Я «Тайга»! Я «Тайга»!»

Это ветер принес мне из соседнего здания, где работает рация Гидрометслужбы, голос какой-то далекой таежной станции. От этого голоса сразу как будто раздвинулись стены комнаты. Перед глазами зарыбила вода... Как

ЗЕМЛЯ ПЕРЕМЕН

Римма КАЗАКОВА

Песня

От первого лепета
до последнего дня
у меня, как у лебедя,
песня
одна.

Лесным колокольчиком
звонит и звонит.
Горячо, неоконченно
рвется в зенит.

Ликую ли, сетую,
с плеча ли рублю,
земля моя светлая,
ты слышишь?
Люблю!

Амур

Амур неуступчив, как море.
А тут — одевают в гранит.
Грозится: разрушу, размою!..
И серые камни громит.
Нахмуренный,
желтый,

свирепый

и ласковый мой азиат!
В оркестре моем и свирели
и медные трубы звенят.
Ты мне и любовь, и столица,
и жесткий походный ремень.
Я знаю, что все состоится
для нас на земле перемен.
Твое недоверие канет.
И ты

то бунтуешь всерьез,
то лижешь щербатые камни
покорно и нежно, как пес...

Голуби

Вы всё на скуку, всё на скуку ропщете...
А поглядите-ка, спины не горбя:
в Хабаровске, на Комсомольской площади,
голубоперые гуляют голуби.
И это значит: чьи-то очень нежные,
заботливые руки где-то около.
А голуби — они примета внешняя
чего-то голубого и глубокого.
Они напомнят вам о чем-то важном,
и вдруг на ум придет, светло и истинно:
а сколько еще яблонь не посажено,
а сколько еще песен не написано!..

Для этого, поверьте мне, для этого —
бесстрашные: бери руками голыми! —
всю землю от рассвета до рассвета
голубиною устилают голуби.

И тянет все ответственней и чаще
в поля и чащи, к высям и глубинам.
О, сердце-молот, трепетный и тяжкий,
горячий ветер, звонкий день октябрьский
с бездонным воркованьем голубиным!
Хабаровск.

На Уссури

Виталий КОРЖИКОВ

Тайгу одела позолота,
Вода светлеет от зари...
Четыре дюжих парня с флота
Пришли на стройку к Уссури.
Еще роса не отступила,
А все заметили с утра,
Как тешут новые стропила
Четыре звонких топора...
И так же сосны верх колышут,
И пахнет ягодой трава,
И так же сослепу на крышу
Садится старая сова.
Но за стропилами в размахе

И возле трактора в дыму
Мелькают флотские тельняшки
В тайге. И, может, потому
За перекурком в разговоре,
Вдыхая гул лесной весны,
Вдруг кто-то чует запах моря
В густом дыхании сосны.
Грохочут бревна, будто ядра,
И на кремнистом берегу
Дома, как светлая эскадра,
Плывут в гудящую тайгу.

Владивосток.

хотелось бы мне сейчас снова плыть по реке, идти сквозь лесные завалы, ночевать у костров, пить холодную воду из горных ключей и шагать, шагать вперед, прокладывая новые тропинки!

«Говорит «Тайга»! Говорит «Тайга»!..»

Вот так же было несколько лет назад. Я собирала и складывала в рюкзак свои походные вещи. А рядом стоял мой сын, тогда еще мальчик, и плакал оттого, что я не могу взять его с собой в экспедицию. В парке играла музыка. Гудели паровозы на Амуре. А из здания Гидрометслужбы доносились точно такие же звуки...

С тех пор прошли годы... Но всякий раз, когда я слышу эту переключку радиостанций в эфире, перед глазами возникает тайга. Я отчетливо вижу темные ельники с толстыми мхами, светлые песчаные косы, поросшие густым тальником, все глухие места, где стояла наша походная радиостанция, слышу даже голос настройки...

Весна, весна пришла! Окна распахнуты настежь... Вот и рюкзак приготовлен. В экспедицию уходит мой сын, и в нем весна моя продолжается...

Хабаровск.

„СДЕЛАНО В ПРИМОРЬЕ“

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

За здоровье кондитеров!

Прежде всего хочется поблагодарить любезную девушку с Внуковского аэропорта: спасибо за то, что избавила от лишних хлопот!

Представьте такую ситуацию: за час до отлета во Владивосток вспоминаешь, что не успел купить «косопалых мишек», тех самых конфет, которые собирался повезти сыну приятеля. Бывая в Москве, он всегда прихватывал их с собой: «У нас такие редко бывают. Жди, когда с запада привезут». Вот пассажир и просит буфетчицу:

— Взвесьте мне, пожалуйста, «косопалых», сколько у вас сейчас в наличии имеется.— И тут же объясняет, а то еще бог весть, что подумают: — Лечу во Владивосток. Маленькие ребята у товарища. Все же сюрприз.

— Зря будете возиться, — улыбается девушка. — Вчера знакомый летчик прилетел оттуда, угощал владивостокскими «мишками». Мне лично они понравились больше московских.

Мне — тоже. И я искренне, а не по долгу вежливого гостя, сказал об этом Нине Николаевне Уваровой, заведующей производством Владивостокской кондитерской фабрики.

Она из Москвы, окончила там пищевой институт. Но в речи ее все время мелькают такие слова, как «у нас», «наша фабрика», «мы, владивостокцы». Видимо, уже успела сродниться с ним, полюбить чудесный Приморский край, и этак заодно, словно всю жизнь прожила тут, говорит:

— А вы знаете, что здесь раньше было? Маленькая мастерская

Ткаченко. Ее только в двадцать восьмом национализировали. Хозяин несколько килограммов конфет в день вырабатывал, а мы — тридцать одну тонну! И все нам мало. Сейчас рядом новую фабрику строим, в пять этажей вымахает. Тогда уж сластей на весь Дальний Восток хватит!..

Нина Николаевна привела нас в цех, где делают «мишки» и шоколадно-вафельные торты. Это фабричные новинки, и без дегустации гостя отсюда не выпустят.

— Понравилась? Нет, вы честно скажите, не хуже московских? Ну, и отлично. — Лицо у Нины Николаевны даже как-то просветлело. — Вот так, стараемся... Хотим от «западной зависимости» по кондитерской части полностью освободиться. Теперь и высшие сорта конфет перестают завозить: свои появились!

Сказано это было Уваровой с гордостью человека, понимающего всю значимость сделанного им. Но, видимо, не будучи уверенной, что это понимает и собеседник («Эко событие — торты и конфеты освоили!»), она добавляет:

— Тут как-то наш брат, кондитер, чуть в герои не вышел...

На Первомай у Уваровой собрались друзья. К чаю был подан большой шоколадно-вафельный торт, и кто-то из гостей, отведав уже второй кусок, заметил:

— Умеют же, черт возьми, в Москве торты печь. Пальчики оближешь! Кто это вам привез, Нина Николаевна?

— Вкусно? Я очень рада. — Хозяйка приветливо улыбнулась, а затем торжественно объявила: — Торт производства нашей, Владивостокской кондитерской фабрики.

За столом поднялся шум. Вна-

чале не поверили: фабрика только начинала печь такие торты и в продажу поступало их очень мало, — а потом кто-то предложил тост:

— За здоровье владивостокских кондитеров!

Хороший, добрый тост, который, право же, нельзя не продолжить:

— За здоровье и тех, кто на Дальнем Востоке делает свои пианино и стиральные машины, выращивает свою картошку и капусту, поставляет горожанам уток и разные консервы, мебель и костюмы...

Комментарии к тосту

Для людей непосвященных тост этот, быть может, требует некоторых комментариев.

В недалеком прошлом было так. Перед гостями из Москвы владивостокские руководители в шутку похвалились: «Край наш, можно сказать, самый интернациональный. Зайдите в магазин. Любой товар купите — на нем марка другого города, другой союзной республики». Невеселая это была шутка. Быт горожан, да и

не только горожан, почти целиком зависел от привоза товаров издалека, с запада. Овощи везли аж из Харькова и Тулы!

Нам рассказывали, что еще сравнительно недавно квартира дальневосточника с осени обрела вид... овощного склада: коридоры, передняя были заставлены ящиками, бочками. На зиму и весну заготавливали картошку, капусту, огурцы. Иначе без овощей останешься. А теперь, вот уже третий год, пожинаются плоды коренных перемен в сельском хозяйстве края.

— Местное производство! Далеко же вам эта нудная тема. Неужели ничего более интересного не нашли у нас, в Приморье?..

Это мне не без раздражения сказал здешний товарищ, с которым я поделился первыми приятными впечатлениями от встреч с кондитерами и мебельщиками, с работниками фабрик пианино и консервов.

— Да вы представляете, что с нами будет, если сюда перестанут завозить товары с запада? За рыбу, за судоремонт, за уголь с нас вот как спрашивают! — И товарищ провел по горлу ребром ладони. — А за костюмы, мебель, пианино или холодильники?

Мой собеседник безнадежно махнул рукой и добавил:

— Проектерство!

Жаль, что сей скептик не слышал наших бесед с местными деятелями торговли, разговора с заместителем председателя крайисполкома Алексеем Васильевичем Воробьевым. Может, и задумался бы он над такой цифрой: в нынешнем году 44 процента всех товаров, проданных магазинами края, — это товары с почетной маркой «Сделано в Приморье». Вот вам, дорогой товарищ, и проектерство!

На «нудную» тему о местном производстве Алексей Васильевич говорил с таким же вдохновением, с каким приезжим людям иногда рассказывают о тигроловах.

— Так вот, какая картина. Большой стол в зале заседаний крайкома партии от края до края уставлен овощными консервами. Мы уж, конечно, постарались. Выписали весь ассортимент — до пятидесяти банок. Так и потребовали: где что делают в стране, представьте, пожалуйста, по образцу. И представили. Собрали мы на это «консервное» совещание инженеров, технологов-пищевиков. И давай стыдить: «Завозим мы издалека до двенадцати миллионов банок в год. Вот они тут, на столе, любуйтесь! Можем мы сами такие делать?» Минуту — две молчали. Потом слышу голос: «Попробовать надо!» И еще голос: «А почему не сможем?» Я подробностей не стану вам рассказывать, а запишите следующее: в нынешнем году дадим десять — двенадцать миллионов банок своих, приморских, овощных консервов. С планового, централизованного снабжения по этой части край, так сказать, снят.

Уже вступил в эксплуатацию

Во Владивостокском универмаге.

овощеконсервный завод в Уссурийске. Скоро к нему примкнет Спасский — по последнему слову техники оборудован, три миллио-

на банок в год будет давать. Откроют свои заводы колхозы и совхозы. «Первая ласточка» появилась на берегу студеной Улахе. Недавно сюда, в Каменку, со всей округи собрался народ на торжества по случаю открытия овощеконсервного завода в колхозе «Луч» — известен он горнякам Кавалерова и машиностроителям Владивостока как щедрый поставщик капусты и огурцов, помидоров и баклажанов. А теперь на месте будут перерабатывать часть тех овощей — сами завод отстроили. Впрочем, нет, не совсем сами: крепко помог рабочий класс, горняки Кавалерова. Они-то понимают: поможешь деревне, — значит, и в городе хорошо с продовольствием будет.

И с птицей так получилось. Мясную проблему пока решают главным образом за счет птицеводства. В совхозах и колхозах оно быстро пошло в гору. А вот с переработкой туговато. Индустрия отстает. А тем временем в Москве научный институт пероципальную машину сконструировал. Приморцы тут же запросили чертежи и передали их «Дальзаводу». «Любите утку с яблоками кушать — давайте машины». Дали. Двадцать штук. Смотришь, магазины уже куда больше стали птицы получать.

Новая статья «импорта»

Явление это примечательное. Было время, когда дальневосточники на запад снаряжали людей «выколачивать» побольше всякого товара. А теперь предметом «импорта» стали опыт, знания, технические новинки в любом деле.

...Затерло консервные заводы с уксусной эссенцией: ее издале-

ка надо везти, с Кавказа. А без нее, как без воды, «ни туды и ни сюды». Узнали приморцы, что харьковчане умный рецепт придумали. Послали гонца. И вот уже делают в Приморье уксус из дикоросов, которыми тут хоть пруд пруди.

Кондитеры ездили учиться к

москвичам, швейники — к рижанам, мебельщики тоже в Прибалтику собираются, а с фабрики пианино столеры курс наук у ростовчан проходили — там и получили звание мастеров, тех самых, чьими руками собрана первая тысяча пианино «Приморье». Вот чем теперь западные друзья помогают Дальнему Востоку!

Владивосток — город вузов. Немало их здесь. И самых разных. Но уже доходит черед и до своих специалистов по слясам, консервам всяким, мясу и молоку. Там, глядишь, и за мебельщиков, швейников возьмутся...

Во владивостокском Дальрыбвтузе начинают готовить инженеров пищевой промышленности в широком, как говорится, ассортименте. Отделение технологов-кондитеров уже открылось. А кадры тут очень нужны, и обязательно свои, дальневосточные. Скоро начнут действовать вновь строящиеся, большие, механизированные, оснащенные конвейерами и автоматами фабрики: швейная и обувная, кондитерская и мебельная, — мясные и молочные комбинаты.

Много всяких хороших планов в этой связи у приморцев.

— У нас обилие ягод и дикоросов, — говорит Воробьев, — много дикого винограда, лимонника. Вначале использовали их только виноделы. Теперь хотим широко поставить выработку экстрактов натуральных соков. Будут экстракты — будут и кисели. Возможности наши по части плодов и ягод неограниченны.

Неурядицы

Но, к сожалению, не все задуманное тут быстро делом оборачивается. Рассказывали в Приморском торговом отделении: весной большое постановление приняли. В нем двести двадцать наименований товаров, производство кото-

рых следует освоить на месте. В списке утюги и электроплитки, умывальники и совки — в общем, штука нехитрая. А медленно еще дело идет! Видимо, сильна привычка надеяться на «разнарядку» из центра, обращаться на запад со словом «дайте». Потому, может, и поныне овчинную шерсть, скажем, везут из Владивостока в Улан-Удэ и Барнаул, а оттуда — валенки. Хотя есть и в Приморье своя пимокатная фабрика, которую давно расширить следовало бы. Потому, может, китовый жир отправляют в Одессу, а оттуда — продукцию, полученную из того жира. Кондитеры стоном стонут: лимитируют их... этикетки и коробки для тортов и конфет. Неужели из Москвы везти? Идет в гору приморское птицеводство, а перо посылают в Свердловск, на фабрику. Да что там пух-перо! Минеральную воду еще с Кавказа везят, хотя есть тут и свои «нарзаны». И вдруг проблема: чем бутылки закупоривать? Пробку на Дальнем Востоке заготов-

ляют, везут ее отсюда на запад, а потом обратно «по разнарядке» двигают. Разумно ли все это?

Есть и более серьезные неурядицы.

Это хорошо, что в большом Владивостокском универмаге появились костюмы, мебель, игрушки, шляпы, пианино, сделанные в Приморье. Но ведь на иной костюм и смотреть страшно. «Что же это? — слышал я тревожные

своих вод делать то, что нужно человеку в быту. И кто не был на Дальнем Востоке лет пять, тот, конечно, сразу заметит перемены на полках магазинов. Но ведь теперь и мера требовательности у дальневосточников совсем иная — мера семилетки. Ведь человек с такой высокой мерой требовательности рассуждает уже по-другому: это, говорит, хорошо, что есть у нас селедка и рыбные

В семье Арсеньевых

Анна Константиновна и Владимир Владимирович Арсеньевы.

В молодом городе Находке в маленьком домике на Лесной улице живут вдова и сын Владимира Клавдиевича Арсеньева, знаменитого исследователя Дальнего Востока и талантливого писателя, творчество которого так оценил А. М. Горький: «Вам удалось объединить в одном лице Брэма и Фенимора Купера».

Жена Анна Константиновна и сын Владимир нередко сопровождали Владимира Клавдиевича в его странствиях по Уссурийской тайге. Унаследовав от отца любовь к родной природе, В. В. Арсеньев стал ученым-лесоводом и сейчас работает заместителем директора Находкинского лесного хозяйства. Целые недели он проводит в тайге, много пишет. Некоторые его очерки и рассказы печатались в журналах.

Арсеньевы поддерживают обширную переписку. Анну Константиновну недавно поздравили с 80-летием правление Союза писателей СССР, ученый совет Всесоюзного географического общества, сотрудники музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. Жена и сын исследователя бережно хранят старый альбом фотографий, в числе которых редкий портрет Дерсу Узала — спутника Арсеньева и героя его одноименной книги; снимок Владимира Клавдиевича с орденом, полученным за поход по Сихотэ-Алиню. В семейном архиве хранятся также неопубликованные записки путешественника, конспекты лекций, прочитанных им в Географическом обществе.

Б. СЛУЦКИЙ,
корреспондент газеты «Красное знамя»

голоса. — Вдруг с запада возить перестанут, а свои пиджаки шьют все одного цвета — черного, будто другого и не существует. Да и как шьют! А мебель наша? Леса нам не занимать. Любые породы имеются, и притом весьма ценные. Ясенем богаты. А как те породы в дело пускают? Бабушкины диваны видели?»

Справедливо тревожатся приморцы и за пиджаки, и за мебель, и за игрушки, и шляпы. Замах-то взят большой, направление правильное — освободиться от «западной зависимости».

...Замах большой и курс правильный — не ждать, пока привезут издалека, с запада, а своими руками, из богатств своей земли,

консервы всякие, включая деликатесы, которых порой и в столице не всегда сыщешь. Это хорошо, что есть у нас во Владивостоке ресторан рыбных блюд, где вкусно поесть можно, но ведь не в бровь, а в глаз Никита Сергеевич Хрущев заметил: «Неразумно снабжать людей, живущих у самого моря, консервированной рыбой». А свежая, оказывается, не всегда бывает в магазинах.

Как тут не призадуматься дальневосточникам над словами товарища Н. С. Хрущева: «...сделано в вашем крае многое, но если вы будете успокаиваться на том, что много сделали, будете на солнечной бока греть, то хорошего будет мало».

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ

Мария БЕЛКИНА,

специальный корреспондент «Огонька»

Километры короткие и длинные

Амурцы, или, как они еще себя зовут, амурчане, утверждают, что километры бывают разные — короткие и длинные. Это, если в командировку ехать, в Москву, например, километры короткие (самолетом посылают: время дорого), а вот если за свой счет ехать, в отпуск, то очень уж длинные...

Итак, Амурск! Не ищите его на карте: он не обозначен. Там, на карте, все еще тайга и синяя жилка реки... Амур! Непокорный, могучий, разлился, затопил поля, огороды, луга, наступил на тайгу, и деревья стоят по пояс в реке, и острова под воду ушли. Лететь над Амуром — кошунство: Амур надо видеть вблизи, по Амуру надо плыть — все равно, на рыбацком ли баркасе, на катере с шальным мотором, что захлебывается на каждом километре, — лишь бы плыть по протокам и заводям, по озерам, налитым Амуром, по новому и старому его руслам! Когда пасмурный день, когда дождь, он, свинцовый и мрачный, надувается, и ветер с низовья нагоняет такую волну — что там море! — с ног сшибает, на пароходе, на капитанском мостике не устоишь: с головой накрывает! А когда солнце, когда синее небо, он ласковый и совсем голубой... А сколько здесь в зарослях на затопленных островах всякой лапчатой твари — уток, гусей, лебедей! А рыба! Говорят, господь бог по всем русским рекам понасобирал рыбу и выпустил ее в Амур... Здесь рыба даже сама в лодку прыгает. Не верите? Поезжайте проверьте. Мне показывали одного незадачливого рыбака: ему муксун килограммов этак на пять по физиономии угодил! У рыбы этой нервы такие — не выдерживает, если тень от лодки падает, начинается из воды выпрыгивать, торопится в уху! И еще есть тут рыба, которая поет. Смеетесь? Я тоже смеялась, пока не поймала на закидушку рыбку, не особо большую, похожую на сома, с длинными белыми усами, только ярко-желтой окраски. Она оглашала воздух таким отчаянным скрипом! Если она вам попадет, не хватайте ее за плавники: плавники у нее очень сильные, костяные и больно ранят. Она ими и скрипит, раскрывая и закрывая их. А амурцы говорят, что касатка поет!..

А еще Амур богат лесом. Тайга! Куда ни глянешь, направо, налево — тайга. То на сопки взбирается, то цепляется за скалы, то по равнинному месту идет, то по топям...

Но мы подплываем к Амурску! Тайга расступилась. Позвольте, зачем же ставить здесь город? Сюда надо было прокладывать железную дорогу через тайгу! Сюда тянули электролинию из Комсомольска. На болотах, на сопках, посреди горных рек, что вечно разливаются и приносят

столько хлопот, ставили огромные резные опоры для линии. Их везли по бездорожью, эти махины, через тайгу, и это было не просто: наскочишь на пенек ненароком — и снесет к черту кабину вместе с шофером! Был такой случай... Здесь под каждый дом надо метр за метром отвоевывать у тайги!

Но потому-то здесь и ставят Амурск, что тайга! А тайга — это ель аянская, это пихта белокорая, это лиственница даурская, это кедр корейский, это значит модные блузки, чулки, это значит бумага, мебель, картон, это сухой лед, парфюмерия, автомобильные шины, и прочее, и прочее. Химия, одним словом... Стройка семилетки.

Итак, Амурск! Красив ли он? Ну, об этом можно будет судить через несколько лет. А пока здесь всего лишь несколько улиц. Дома одноэтажные, двухэтажные, розовые. Теперь во всех новых городах дома розовые или желтые. Ближе к Амуру, там, где берег высок, дома в три этажа из серого силикатного кирпича. Их еще строят, эти дома, над ними еще краны, целый квартал! Он называется квартал «А» — Амурская улица будет.

А внизу, на Амуре, лодки. Сколько их! Что это, спортивная база, отделение яхт-клуба? Так мало домов и так много лодок! Подождите субботнего вечера, ни одной не останется у берега. Тут каждый — рыболов и охотник! Тут даже жены ревнуют к Амуру! У причалов баржи, но причалов, собственно говоря, нет, они под водой. Баржи гружены кирпичом, цементом, рамами, дверями и прочим, что зовется пиломатериалом. Баржи из Комсомольска. Комсомольск снабжает Амурск. Комсомольск строит Амурск.

А разве он сам уже совсем строился? Нет. Еще много в центре города пустырей, еще много недостроенных улиц, еще стоят те бараки, которые строили в первые годы — в тридцатые. Задержала война... Теперь Комсомольск и сам стал достраиваться и строит уже Амурск.

— Молодость свою передаем Амурску, постарели малость! — шутят комсомольчане.

Две молодости

— Теперь молодость совсем другая, в другой век живем! Мы Комсомольск с чего начинали строить? С заводов. О людях некогда было думать. Надо было заводы строить скорей, торопиться. Вот и получилось, уже два десятка лет продукцию тяжелой индустрии даем, не только край обеспечиваем, по всей стране идет. Говорят, машины «Амурлит-маша» даже в Индии есть! А за город-то по-настоящему только после войны взялись. Только руки дошли! А Амурск как строим?

С города начали. Человеку нужно жить хорошо и удобно: теперь время наше! Правду я говорю?

Кто это говорит? Это Василий Кузьмич Перевезенцев. О его профессии можно догадаться, взглянув на спецовку: он маляр. Бригадир, командует девчатами. Он не нахвалится своей бригадой. Только жалуется, что на свадьбах уж очень часто приходится гулять. Мы шагаем с ним по улице в обеденный перерыв. Это, конечно, не совсем еще улица. Не знаю, как там бог создавал мир, но, наверное, из подобного хаоса и глыб развороченной земли: стройки все одинаковые! Только грязь, конечно, в Амурске особая. Дождь все лето и осень льет каждый день, иногда через день. Коток пытается утрамбовать дорогу, но под ним земля студнем дрожит...

— Мы как теперь строим? — продолжает Василий Кузьмич. — Дом поставили — и сразу его к теплоцентрали подключаем. Кругом тайга, города еще нет, а в доме уже батареи горячие, электричество, радио. Телевизор можно смотреть, пожалуйста! Только еще не совсем наладили. Сопки, что ли, мешают? Телецентр в Комсомольске. Все коммуникации сразу подводим: канализацию, водопровод. Вы обратили внимание: у нас в Амурске ни одной вре-

менной постройки нет, ни одного барака!.. Сразу ставим фундаментальные дома. Я с семьей еще в палатке жил, а уже знал, в каком доме получу квартиру...

— В Комсомольске у нас тоже была квартира, и хорошая... — Это говорит жена Василия Кузьмича, Татьяна Гавриловна. Она тоже идет вместе с нами. Худенькая женщина в платке, в сапогах, она работает кладовщицей на строительстве квартала «А», где и ее муж. — И дача под Комсомольском была... — И, почему-то, затормозившись, быстро добавляет: — Здесь скоро тротуары проложат, асфальт будет... Ну, я побежала! Ты сам разогреешь!

Она принимает материал, ей даже некогда сегодня обедать. — М-да!.. — произносит Василий Кузьмич, как-то виновато глядя в сторону убежавшей жены. — У нас на даче было двадцать пять кустов смородины посажено...

Но дело здесь, видно, не в смородине. Он снимает фуражку и трет затылок. Седины у него еще нет, но волосы надо лбом стали какими-то подозрительно пушистыми. У него мягкое очертание рта и характер, должно быть, мягкий.

— Сердце твердое, — говорит он, — иначе ничего бы не получилось. У меня, понимаете, страсть: стройку люблю! Оно, может быть,

**КЕРАМЗИТ—
ЭТО БЫСТРО,
УДОБНО, ДЕШЕВО**

Быстро растет город Оха — «Дальневосточный Баку» — один из центров нефтяной промышленности Сахалина. Долгое время на строительстве домов в качестве заполнителя для бетонных работ мы применяли морской гравий. Но блоки получались очень тяжелые, и жильцы новых домов жаловались на сырость в квартирах. Сообщения в печати о новом строительном материале — керамзите — вызвали на Охинском заводе железобетонных изделий большой интерес: а нельзя ли наладить производство керамзита и у нас?

Строительство жилых домов из керамзитобетона в Охе. Фото И. Лисочкина и В. Привезенцева.

АМУРСК

и странным кажется, как это можно ее любить. А вот люблю! В Комсомольске, конечно, стройки хватает, но там уже город, а интересно все с самого начала начинать... Приехал — тайга, а теперь уже, пожалуйста, сколько улиц! Пионерская, Школьная, Строительная, Амурская... Конечно, с ребятами в палатке трудно было, но это пройденный этап... Я еще так смотрю: ребятам найдется, о чем вспомнить... А, между прочим, в Комсомольске первое каменное здание была школа. И здесь, в Амурске, тоже школа...

С чего начался Амурск

Одни говорят, что все началось февральским утром, студеным и ветреным, когда по Амуру, по льду, ближе к берегу, где торосов меньше, прошли из Комсомольска машины и остановились у села Падалий. Это было в 1958 году. Спрыгнули с машин плотники, сгрузили материалы, продукты и стали сколачивать первые деревянные палатки, натягивать брезентовые, утеплять их к приему новоселов...

Другие утверждают, что история Амурска началась с шамана. Да, с шамана! Старик-нанайцы (а село Падалий нанайское, и был здесь рыболовецкий колхоз «Север») не хотели расставаться с

насиженным местом, где каждая тропка с детства знакома, где каждая заводь, каждая протока низусть заучена. Вызвали они из тайги шамана. Был такой случай в 1956 году, когда впервые возник вопрос о строительстве комбината, тогда и первое деревянное здание здесь поставили. Тогда шаман помог! Стройка заглохла: не были отпущены средства. Вот и теперь три дня, три ночи бил шаман в бубен, кружился, еле дыша в теле удержал, изнемог... Но стройка продолжалась! Не тот шаман оказался. Послали за тем, другим, образца пятьдесят шестого года. Но тот, другой, видать, хитрый старик: сначала разведку провел, а когда все выяснилось, разузнал, что к чему, отказался ехать, не захотел ронять авторитета.

Но председатель колхоза Николай Степанович Гейкер мне так сказал:

— Все началось с общего собрания колхозников. Слушали, постановили... Он говорил, как стенограмму читал... Разрешить Совету Министров построить на земле, принадлежавшей нанайскому колхозу «Север», город Амурск. С этого и надо начинать писать. Я авторитетно заявляю. Воздержавшихся не было, против не было... И когда кто-то из рыбаков сунулся было к нему, он

сердито одернул: — Подожди, мы тут вопрос согласовываем...

Он был при галстукке, в черном полосатом костюме, в резиновых сапогах. Он шумел в сарае, где разбирались сети, откуда выкатывались бочки, выносились мешки, грузился мотобот: колхоз выходил на лов кеты...

Это было в Новых Омми. Когда я ходила по этому только что поставленному в тайге селу, глядела на совершенно одинаковые веселые желтые домики с красными крылечками, обнесенные одинаковыми заборчиками, вдоль которых бежал деревянный тротуар (и ни одной старой хибары, ни одной развалюшки!), когда я осматривала новенькую, с иголочки, электростанцию, магазин, школу, пекарню, всякие другие постройки, меня не покидало ощущение, что все это какое-то не-всамделишное. Казалось, это декорация для съемки картины, в которой надо показать, каким должно быть социалистическое село. Смешно, но даже маленькие девчонки, шлепавшие по тротуару, темнокожие, с короткими жесткими волосами, черными как деготь, одетые в нарядные светлые платья, тоже казались не-всамделишными! Слово специально выпущенными гулять на показ. И только мрачная, суровая тайга, обступившая стеною село, только вывороченные гигантские коряги и пни за домами, только несусветная грязь на дороге, которую не промесишь сапогами, говорили о том, что жизнь здесь очень всамделишная и отнюдь не легкая...

— Вы довольны, как вам построили дом? — спросила я старуху-нанайку по имени Мулина, в расшитом халате.

Не вынимая трубки изо рта, старуха в знак согласия кивнула головой и вовсе не к месту промолвила:

— Молодая была — не курила, старая — курю...

— Зачем же вы курите, бабушка?

— Думаю, — глядя куда-то поверх головы своими бесцветными глазами, промолвила старуха и, отвернувшись, пошла прочь.

Удивительные эти таежные старики, словно всю мудрость мира несут они на своих плечах!

— А они, между прочим, до-тошные, — сказала мне русская девушка-малыар, что-то доделывавшая снаружи. — Пристала эта старуха ко мне: «Почему форточку в комнатах сделали, а в передней не сделали?» Я ей объясняю: «По проекту так положено». А она ходит, сосет трубку, считает по пальцам: три окна, две форточки. Непорядок... А раньше в таких развалюшках жили, какие там форточки!...

Здесь, в Омми, всю зиму, все лето трудились девчата из бригады Перевезенцева. И когда при мне Василий Кузьмич объявил им, что работа окончена, они запрыгали от радости.

— Наконец-то домой, в город!

— Куда? — переспросила я.

— В Амурск...

Все, конечно, относительно: после Омми и Амурск может показаться городом.

Вопрос ребром

В Амурске на улице можно увидеть плакат: «Чтобы построить ЦБК, необходимо уложить 82 000 000 штук кирпичей!». ЦБК — это целлюлозно-бумажный комбинат.

Первый эксперимент выглядел примитивно. Пара глиняных бrikетов была помещена в печь, в которой обжигали кирпич.

Когда из топки вынули два огромных твердых бrikета и отнесли их к директору завода, он обрадовался:

— Хороший «пирог»! Вот, товарищи, вы видите перед собой самый настоящий керамзит.

Однако эксперимент — одно дело, а производство — другое. Дали соответствующее задание механизаторам — сконструировать специальную течь.

И вот наши механизаторы сконструировали необычную машину — «чудо-печку». Основной частью ее стал наклонно установленный барабан от старой гравиемолки. Внутри уложили футеровку, и небольшой агрегат начал изготавливать глиняные «колбаски».

Скептики получили немало поводов для шуток, но машина работала день за днем, месяц за месяцем. Керамзит исправно выкатывался на металлический лоток и остывал. Вместо десяти кубометров в сутки по первоначальному проекту машина стала давать пятнадцать.

И вот в Охе строятся четырехэтажные дома из керамзитовых блоков. В новых квартирах не будет ни малейшего признака сырости. Очень довольны и строители: толщина блока сократилась на десять сантиметров, а вес уменьшился в два раза.

Маленькая «чудо-печка» продолжает работать. Ей, правда, придется скоро выйти в отставку. Местные механизаторы уже изготовили две большие печи для обжига керамзита.

А. КУКУШКИН,
главный инженер завода железобетонных изделий

ИХ ЖДУТ РЫБАКИ, ОХОТНИКИ, ЛЕСОРУБЫ

Коллектив Камчатского драмтеатра единодушно поставил перед собой такую задачу: на карте области не должно быть «белых пятен».

Каждую осень актеры заштриховывали на карте сильно поредевшие белые пятна — это означало, что за лето они проделали вновь тысячи километров пути на самых невероятных видах транспорта — от вертолета до бата, утлого суденышка, выдолбленного из ствола лиственницы.

Им приходилось играть порой в крошечном сельском клубе, где в зале с трудом размещалось 70—80 человек, а сцена казалась не больше стола для пинг-понга. Чадил по бокам «портала» керосиновые лампы, из-за кулис тянул свежий сквознячок... Но так ли уж это важно, когда зал с замаринованным сердцем следит за каждым движением, каждым словом на сцене?..

В этом сезоне антеры впервые побывали в Долиновке, маленькой деревушке хлеборобов Мильковского района, в самом центре Камчатки, и в северном рыбацком поселке Кичиге, Корякского национального округа. Они переходили на вертных катерах с Карагинского острова к рыбацкому поселку Оссоре. Дул свежий ветер; легкие, как ореховые скорлупки, суденышки ложились с борта на борт... Переход был мучительно трудным. Но на берегу их ждали рыбаки, ждали с нетерпением. И спектакль состоялся и, как всегда, прошел с большим успехом.

Старейший артист театра К. Д. Родионов рассказывает, как однажды в одном из самых северных поселков, где даже в разгаре лета на сопках лежат снега, после спектакля жители бунтально усыпали сцену живыми цветами. Растроганные антеры потом узнали, что молодежь поселка собирала эти цветы за много километров от дома, там, где заснеженные сопки уступают маленький клочок земли зеленой тундре.

...Наступил новый театральный сезон, и с ним — новые встречи жителей Камчатки со своими любимыми антерами.

А. КОМАРОВСКИЙ,
сотрудник газеты «Камчатская правда»

Петропавловск-Камчатский.

Спектакль «Эзоп» на сцене Камчатского областного драматического театра.
Фото К. Родионова.

Но их надо еще уметь уложить... И опять на помощь пришел Комсомольск. Послали в Амурск Щеглова Николая Петровича — известного каменщика, мастера своего дела. Мы с ним как-то бродили по Комсомольску, он мне показывал город как депутат горсовета и, конечно, как строитель. Я считала дома, которые он построил. На сотом сбился, дальше не стала считать. Там даже одна улица неофициально зовется Щегловская!

Когда он мне показывал на «свои» дома, он каждый раз оставался (прогулка была не из коротких!), о каждом доме что-нибудь рассказывал. Но, проходя мимо одного жилого здания, он как-то нехотя бросил:

— Этот я тоже до некоторой степени строил. Не люблю его. Я здесь мастером работал, насилу добился, чтобы обратно в бригады перевели. Люблю класть кирпичи своими руками...

В Амурске он тоже немало уложил кирпичей. Он там школу каменщиков организовал. Между прочим, есть что-то общее между Щегловым и Перевезенцевым даже во внешности, хотя Щеглов — блондин, голубоглазый, а Перевезенцев темноволосый, и глаза у него карие, но какая-то мягкость в обращении с людьми, что-то в манере держаться есть похожее, и роста они одного, а главное, очень любят они свою профессию... Мне Перевезенцев объяснял, что значит улучшенная и что значит высококачественная окраска. Как надо олифить, шпаклевать, зачищать, шлифовать, грунтовать, красить, как фальцовку наводить широкой кистью по невысохшей краске. Он с вдохновением обо всем этом говорил, как стихи читал, даже глаза у него горели.

И когда какой-то чудак — чудак всегда находят! — сказал при мне Перевезенцеву, что вот, мол, получилось так: пришел ты в тридцатых годах в Комсомольск, строить его, пришел маляром, а теперь ты кто? Опять же маляр! Люди за эти годы — кто начальником строительного управления стал, кто директором завода, кто в инженеры вышел, а ты — «каким ты был, таким остался!».

— Эх ты! — усмехнулся Василий Кузьмич. — А рабочим классом кто-то должен быть... И потом я за эти годы столько людей своей профессии обучил, целая армия, так я ж почти что генерал! А ты говоришь, «каким ты был, таким остался!».

Щеглов уехал обратно в Комсомольск. Он достраивает там проспект Сталина, а в Амурске кладут кирпичи амурчане. Кто же эти амурчане? Откуда они? Это все больше молодежь. Они тутешние, дальневосточники, из Советской Гавани, из Комсомольска, из Хабаровска. Днем они все на объектах, все строят, а вечером вы их всех можете увидеть на открытой веранде, на танцплощадке — они сами ее выстроили. Все вечера напролет они кружатся, танцуют под радиолу, под баян, а над ними кружится, клубится мошка, комарье! Но девушки ничего, сносят, на них даже модные платья с открытыми плечиками... Конечно, можно было бы пойти в клуб, он рядом, но там только фундамент, его затопило дождем, полмиллиона там плавают! Больше денег на строительство клуба не отпускают. В крае, видно, где-то поставлена галочка. В Амурске

клуб есть — наследство от нанайского колхоза осталось, мест на сто пятьдесят, а живут в Амурске уже четыре тысячи строителей!

Но не стоит думать, что молодежь в Амурске только танцует. В Амурске все учатся. Очень много заочников. А в Ленинградский целлюлозно-бумажный техникум столько желающих поступить, что поговаривают, быть может, есть смысл принимать экзамены в Комсомольске: очень уж много народу надо будет отпускать в Ленинград. Как видите, «кадры» уже торопятся! Комбинату будут нужны мастера, начальники цехов, квалифицированные рабочие.

В Амурске люди всерьез селятся, не то что на других стройках. Одни строят сами себе дома на Нахаловке. По проекту этот поселок называется культурно — Надеждинское, а вот кто-то прозвал его Нахаловка. Там первые домики без плана поставили — и прилипло это прозвище.

На Нахаловке селятся хозяйственники: это все больше люди семейные. Они огород разводят, коров держат, свиней, кур, сады заложили. Но иным это не по душе. Они предпочитают квартиры городского типа.

Квартиры здесь отличные, особенно в квартале «А». Стенные шкафы в комнатах и передних, холодильники в кухне под окнами. А из окон такой вид! Не отойдешь! Амур! Он разлился километрами на двенадцать.

— Вы, конечно, про Амур напишете, — сказала мне девушка-маляр, та самая, которую я встретила в Омни, Маша Кузнецова, блондиночка. — А вот что воду придется на третий этаж ведрами носить, об этом напишете? А зимой, когда постирать надо, представляете, натаскать, а потом, после стирки, вниз нести? В окно в Амур не выплеснешь! На Школьной улице уже год так живут. Там хоть два этажа. Мы интересовались, почему это так. Говорят, Госплан забыл про Амурск! Фаянсом не обеспечивают. Вот только в школе и в больнице есть унитазы и умывальники. Вы напишите об этом, нам очень нужен фаянс.

Бригада Василия Кузьмича торопится, отделяет квартиры. Целый дом собираются к празднику сдать. А пока его отделяют, люди живут в палатках.

Я познакомилась в палатке с семьей Власовых. Он всю жизнь лес валил, а теперь здесь работает грузчиком. Он, видно, не ушел бы из тайги, но жена...

— Вот пойду на изюбря охотиться, — явно желая подразнить жену, говорит дядя Филипп, его все так зовут в палатке.

Он плетет из белых капроновых ниток сеть, и это у него ловко получается: ни разу не сбился. У него, конечно, есть мотор и одна из тех лодок, что стоят у причала.

— Иди, иди, — отвечает жена беззлобно. Она очень спокойная, дородная, уверенная в себе. — Твоих изюбрей стройка разогнала, долго искать придется!

— Понимаете, — говорит дядя Филипп, обращаясь ко мне, — захотела культурной жизни, чтобы вода из водопровода лилась, и ванна ей нужна, иначе не может...

— Да, — говорит жена, — надоела тайга! Из-за его профессии мы всегда в самой глуши жили, с изюбрями. Старшая дочь в интернате росла, школу кончала. Хочу, чтобы младшие были со мной...

За стеной палатки по деревянному тротуару кто-то идет тяжелой, командорской поступью.

— И с этим расстанешься? — подмигивает дядя Филипп в сторону дверей, где замычала корова.

Ни на какой другой стройке я не видела столько коров, свиней, коз, как здесь. И почему-то все они приучены ходить по тротуару.

— И расстанусь, — отвечает жена. — И покупать молоко буду в магазине. Амурск должны снабжать...

— Вопрос, значит, ребром ставишь?

— Ребром, — улыбается она.

Кстати, о коровах. В Комсомольске я случайно присутствовала на заводе «Амурсталь» на рапорте, который принимал по селектору директор завода Александр Алексеевич Фролов. Чей-то голос долго и нудно оправдывался, почему не вывезли металлолом, ко-го-то Фролов отчитывал за то, что не были поданы вовремя вагоны, кто-то говорил из прокатного цеха, кто-то из литейного... И вдруг Фролов сказал:

— Вода в Амуре опять прибывает, поднимется еще на полтора метра — это касается всех. — И, назвав какую-то фамилию, добавил: — Вам поручается эвакуация коров. Сегодня же надо подвести понтоны к острову и вывезти все хозяйство, все стога до единого. Коровницам передайте привет. Завтра я сам проверю, как вы их вывезли.

Над Фроловым некоторые хозяйственники в Комсомольске посмеиваются, говорят: прежде чем идти на завод, он заглядывает в свой «коровий цех».

— А что прикажете делать? — сказал мне Александр Алексеевич. — Район не обеспечивает город молоком, приходится самим заботиться.

Раньше был в районе один только город — Комсомольск, прибавились Амурск и Солнечное. Как же будет теперь? Но с этим вопросом надо не к району обращаться, а к Министерству сельского хозяйства. Надо решать. Может, стоит поднять целинные земли в долине реки Хунгари? Амур из года в год затопляет посевы и пастбища... Может, можно найти другое решение? Может, у министерства есть свои предложения?

Простая арифметика

В коридоре конторы на дверях табличка: «Директор ЦБК». Директора нет: он в командировке, в Москве. Но самое любопытное: комбината тоже нет! Когда я попросила начальника строительства Петра Петровича Гончаренко (и он старый комсомольчанин, когда-то, в тридцатых годах, с Украины приехал) свозить меня на комбинат, он стал уверять, что мне там совершенно нечего делать и смотреть не на что. Но потом, безнадежно махнув рукой, взял свою соломенную шляпу и, нахлобучив ее на голову, первым полез в «газик».

— Едемте...

Он, видно, привык к журналистам. Журналисты здесь идут косяком, почти как кета по Амуру: из Москвы, из газет и журналов, из Хабаровска, из Китая, даже из Чехословакии были... Говорят, один журналист попал сюда весной в распутицу, когда ни по Амуру не проедешь, ни пешком не прой-дешь, ни на самолете. На бульдо-

зере через тайгу еле живой добрался!

Амурск весной отрезан от мира. И шоферы героически в последние дни «ледовой дороги», когда уже официально было запрещено ездить по Амуру, доставляли сюда из Комсомольска продукты и всякие материалы для стройки. Случалось, машина ныряла колесами под лед, ее вытягивали, и колонна двигалась дальше, до следующей полыньи...

— Этой весной мы уже не будем отрезаны: рабочую «кукушку» пустим. К концу года железнодорожная линия Комсомольск — Амурск дойдет до комбината, — объяснил мне Гончаренко.

Мы на комбинате. Огромный участок земли освобожден от тайги, раскорчеван, и одинокий бульдозер, кажущийся здесь совсем маленьким, пыхтит, снимая растительный слой.

— Так шо ж вин один здесь зробиць может? Нам бы техники подбросили! — вздыхает Гончаренко. (Странное совпадение: на всех стройках все строители вздыхают о том же!) Гончаренко шагает по взрыхленной земле, большой, грузный, в полотняном кителе, который он застегнул не на те пуговицы, в продырявленной соломенной шляпе, очень похожий на председателя какого-нибудь украинского колхоза. — Так вот, значит, тут товарную станцию поставим, будут сюда, значит, лес подавать по железной дороге...

Он широко размахивает руками, показывая, где что будет. И молоденькие, взъерошенные ветром березки, взявшие участок в окружение, качают головами, словно поддакивают... Вдалеке видно озеро Падаль. Землеройный снаряд углубляет озеро. Там будет строиться причал. Туда буксир будет подводить плиты с Амура, а оттуда, с озера, проруют канал, и по нему лес пойдет в цехи на комбинат. Комбинат будет!

А пока я сижу здесь на пенке... Гончаренко пошел к бульдозеристу. А я решаю арифметические задачи. У меня в сумочке есть книжица «Что делают из дерева».

«Из одного кубометра древесины можно получить 170—200 кг целлюлозы, которая может дать почти 170 кг шелка. Из 170 кг шелка можно изготовить до 5 тысяч пар шелковых чулок». Так! А Амурский комбинат будет перерабатывать до двух миллионов кубометров древесины в год! Если все перевести на чулки, получится десять миллиардов пар шелковых чулок в год! Неплохо!

Чулки будут делать не здесь, в Амурске. Здесь только древесина превратится в концентрат целлюлозы. Еще комбинат будет делать мебель, прессованные плиты для строительства домов, картон... Будет вырабатывать кормовые дрожжи, скипидар, технический спирт...

Поглядим опять в книжку: «Из одной тонны сухой древесины можно получить до 200 литров этилового спирта». Спирт этот идет в промышленность на производство каучука. «Из 50 литров спирта можно сделать одну автомобильную шину». Но, чтобы обути машину, требуется одна тонна зерна или две с половиной тонны картофеля. А их заменит дерево. Сколько же тысяч тонн зерна и картофеля будут сохранены, когда Амурский комбинат войдет в строй! Так вот что значит химия в действии!

ХАБАРОВСК. Вид с площади Ленина на улицу Карла Маркса.

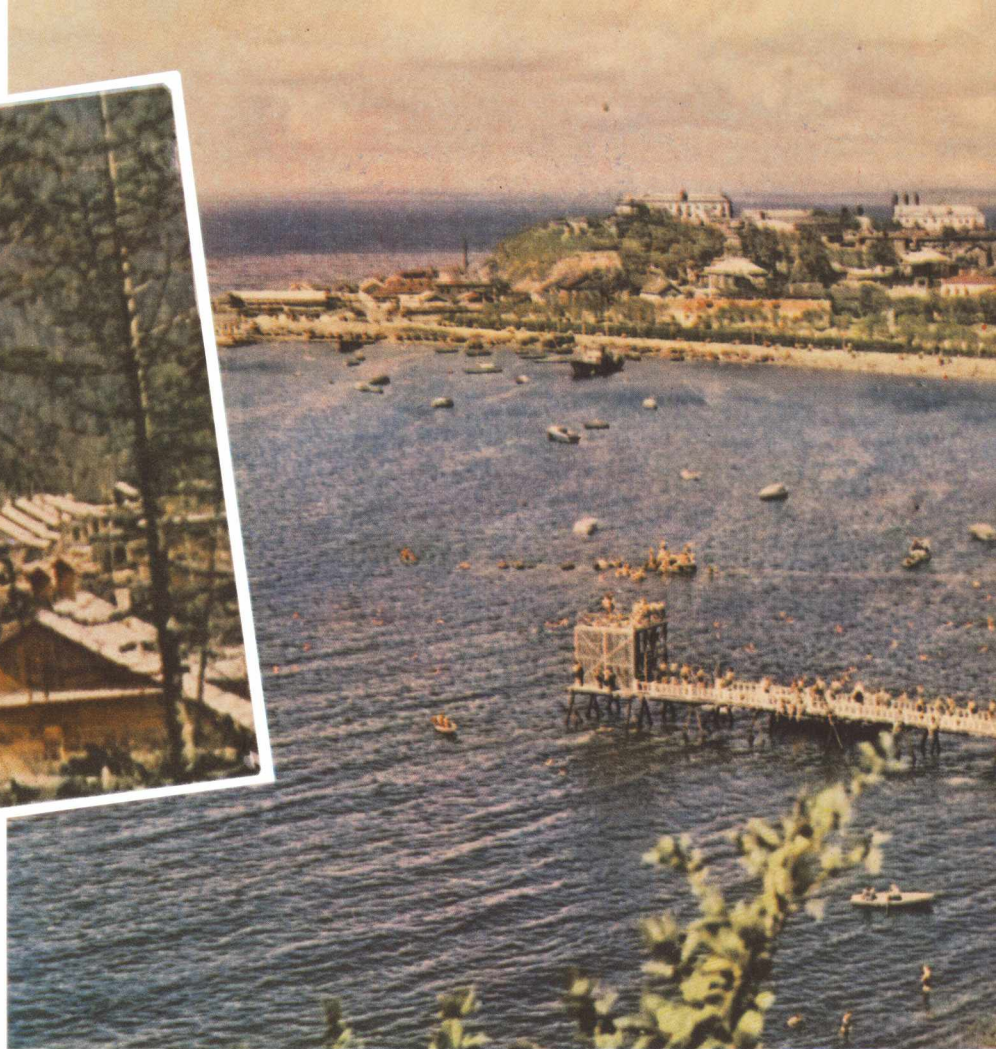
Набережная Амура в Хабаровске.

Фото О. Кнорринга, Д. Ухтомского,
В. Минкевича и Г. Соколова.

Городок строителей
СОЛНЕЧНОЕ.
Хабаровский край.

ВЛАДИВОСТОК. Набережная спортивной гавани.

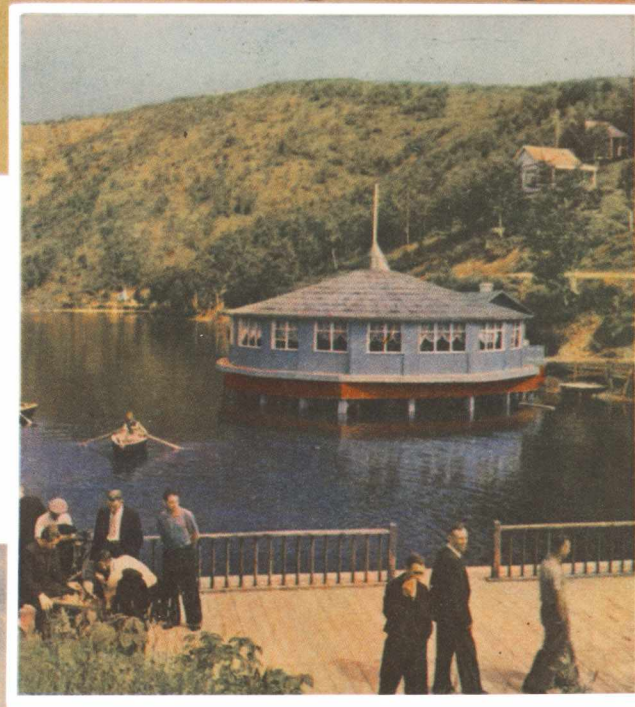

← ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ. Город и рыбный порт.

У озера Верхнего в Чеховском районе на Сахалине. →

Город юности НАХОДКА.

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ. Красногвардейская улица.
Площадь имени Ленина.

ОМЕЛА

Из повести «Хозяйка маленькой речки»

Андрей ПРИШВИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Недалеко от домика рыбоводно-мелиоративной станции, около тропинки, что ведет к Амуру, растет высокий тополь. Он широко раскинул свои ветви, узловатые, толстые, протянул их навстречу амурским ветрам, как бы подчеркивая этим, что никого не боится, никто ему не страшен. Казалось, он несокрушим. Маруся вначале, когда только приехала на Кедровую, подолгу любовалась этим тополем. Она приходила сюда, смотрела на него десять, двадцать минут, полчаса, слушала, как тополь тихо пошумливает своими ветвями, и вдруг он принимал человеческие очертания и почему-то представлялся ей Данко с горящим сердцем в руках. Но потом, осенью, когда листья пожелтели и стали медленно опадать, она вдруг увидела на ветвях большие шары ядовито-зеленого цвета.

— Что это?! — воскликнула она, обращаясь к Ходжеру.

— Его шибко плохой люди. Его там живи, чужую кровь соси... — медленно ответил старик, не глядя на тополь.

Она догадалась, что это омела. Ей стало немного грустно: оказывается, даже на самом Данко может жить это паразитическое растение. В словаре она отыскала слово «омела» и прочитала: омела дальневосточная, оранжево-красная (*viscum coloratum*), семена переносятся птицами, попав на кору дерева, когда птица очищает свой клюв, они приклеиваются, пускают ростки, добираются до древесины и затем пышно разрастаются, ведя паразитическое существование... Зимой на тополь смотреть было особенно неприятно: на голых ветвях торчали эти шары с жесткими зеленовато-желтыми листьями...

Она старалась не замечать их.

Вадим, проходя мимо тополя, сразу разглядел на нем омелу, но только мимоходом отметил это про себя и сразу же перестал о ней думать. Он немного волновался. Сейчас предстояла встреча с Марусей, а что он ей скажет? И зачем эта встреча?

Он упрямился капитана парохода посадить его здесь, в устье Кедровой, и теперь, закинув рюкзак за плечо, медленно шел к домику станции. Как раз под тополем он остановился и подумал: «А не вернуться ли назад?» Но тут же отбросил эту мысль: пароход ушел, а как и куда добираться теперь, он не имел ни малейшего представления. «А может быть, это даже лучше так: приехал на Дальний Восток бывший студент-однокурсник и заглянул сюда, в эту глушь, повидаться», — раздумывал он про себя. Но это не снимало волнения.

Разрушенное заграждение на реке неприят-

но поразило его. «Баба, — презрительно бросил он, — не могла даже как следует заграждение установить!»

Седой с громким лаем кинулся ему навстречу, и почти тотчас из дома вышел Ходжер. Он посмотрел на Вадима из-под насупленных бровей, догадался, что он тоже рыбовод, и сказал приветливо:

— Заходи, заходи. Его так просто болтай...

— Здравствуй, — поздоровался Вадим. — Мне надо видеть Марию Алексеевну Жигареву. Она здесь работает?

«Вот чудак, — отметил про себя Ходжер, — приехал на станцию и спрашивает, здесь или нет работает Жигарева». Но вслух ничего этого не сказал.

— Здесь, здесь. Маруся-начальник уехал, но все равно заходи...

— Как уехала? Куда?

— В колхоз уехал. Это недалеко. Сегодня назад будет. А Нина тут близко ходи, по речке...

Вадим решил дождаться Марусю. Он вошел в дом, бросил в угол свой рюкзак, умылся, затем посмотрел на две двери, что вели в комнаты.

— Где живет Маруся? — спросил он Ходжера и, получив ответ, спросил: — Можно мне зайти?

— А чего нельзя? Заходи.

В комнате Маруси его поразили тот идеальный порядок, который, на взгляд Вадима, свидетельствовал об умственной ограниченности хозяйки. На столике у окна ровной стопкой лежали аккуратно перевязанные папки, видимо, с наблюдениями по станции. Тут же стояли микроскоп и фотография женщины и пожилого мужчины с мягкой, как у самой Маруси, улыбкой. По-видимому, это были отец и мать. Поблизости была этажерка с книгами. Книжки на ней стояли одна к одной, без единой пылинки, будто их только что принесли из магазина. Но больше всего внимание Вадима задержала кровать. Ему вдруг показалось, что эта узкая девичья кровать, застеленная белым покрывалом, с двумя высоко взбитыми подушками, как-то прочно, возможно, даже навечно отделяет его от Маруси. Он смотрел на эту кровать, но сколько ни силился, не мог представить себя там, на этих белых простынях с Марусей в объятиях. Лечь туда казалось ему преступлением. Он еще раз взглянул на кровать, на простенький коврик, висевший над нею, почему-то поморщился и вышел из комнаты.

На берегу у заграждения кто-то разговаривал. Вадим пошел туда и увидел Ходжера рядом с высокой девушкой в очках. «Должно

быть, это и есть Нина», — подумал он и подошел.

Нина, улыбаясь, с интересом смотрела на него.

— Вадим Синязин, аспирант профессора Кондратьева, — представился он. — Мы с Марусей вместе учились. Сейчас еду в низовья Амура, а по пути решил заглянуть к вам, посмотреть, как живет здесь бывшая москвичка.

Нина улыбнулась еще шире, отчего ее длинное лицо стало еще более некрасивым. Очки возбужденно поблескивали.

— Какой вы счастливый! — сказала она, поздоровавшись. — А я вот никогда не бывала в Москве. Да и придется ли? Далеко...

Вадим снисходительно улыбнулся.

— Ерунда! — сказал он. — Теперь авиация, сегодня здесь — завтра в Москве.

— Не всем это по карману.

— Ерунда! — снова самодовольно повторил Вадим. — Ну, как вы здесь живете? Как Маруся? Она вам что-нибудь говорила обо мне? — осторожно спросил он.

— Нет, — ответила Нина, искоса разглядывая Вадима с еще большим интересом. — Она вообще мало говорит о себе. У нее пункт помешательства — спасти Кедровую... — И она рассказала Вадиму о строительстве дороги в тайге, которое разрушило главное нерестилище на Кедровой, о Второй пади, обо всем, что тревожило Марусю в последнее время.

Вадим не особенно вслушивался в ее слова. Он думал: «Неужели Маруся совершенно забыла меня? Или вычеркнула из памяти, как решительно зачеркивают люди все неприятное? Но неужели у нас было только неприятное? И потом, откуда у этой девчонки такой характер?» Его задело слова Нины. Он спросил еще раз, более настойчиво:

— Неужели ни разу ничего не говорила?

Теперь Нина окончательно убедилась, что не зря заехал сюда этот Вадим. Что-то было между ним и Марусей. Но что? Как далеко зашли их отношения? Она сказала нарочито равнодушным тоном:

— Нет, даже и не вспоминала. — И с удовольствием отметила про себя, как изменилось лицо Вадима, стало сердитым и непристеливым. Потом, словно пожалев его, добавила: — Что-то она говорила о своих однокурсниках, но я не запомнила. У меня ужасно плохая память...

Весь день Вадим провел на станции. Он разговаривал с Ходжером, болтал с Ниной, пытался поиграть с Седым, но тот, глухо заворчав, отошел в сторону. Нину он совершенно покорила своими рассказами о Москве, и она смотрела на него влюбленными глазами. Однажды она сказала:

— Есть же люди, которые живут большой, настоящей жизнью. Не то, что мы, прозябаем в этой глуши... Как я завидую вам!..

Вадим ничего не ответил, только улыбнулся самодовольно.

Под вечер он сидел в комнате у раскрытого окна и читал какую-то книгу. Вернее, он не читал, а просто смотрел в раскрытую страницу и думал о том, как, должно быть, тосклива жизнь здесь, в этом медвежьем углу. Каждый день перед глазами одни и те же люди, знаешь, когда и что скажет каждый из них, и у тебя готов на любой случай свой стандартный ответ. Эти разговоры стандартными фразами в конце концов надоедают тебе до чертиков, и ты перестаешь говорить, молчишь не-

В поисковом отряде

Евгений КРЯКВИН

На марях поблекших, на мшанике рыжем
Брусники и клюквы рассыпанный бисер.
Солнце с каждой неделей все ниже —
Все больше у августа сорванных чисел.

Но столько осталось не пройденных нами,
Загадочных троп, неразгаданных склонов,
Где в каплях росы золотистые камни,
Где синие ветви свисают заслоном!..

Здесь снег заметет на седых перевалах
Все то, что останется в памяти скоро:
Остывшие угли костров на привалах
И в зябкие дни горячие споры.

Становится воздух терпким, горчащим,
Я жадно дышу его горечью мокрой.
А подо мной черно-бурые чащи,
Урча, набухают лоснящейся охрой.

Наш пегий Абрек понимает разлуку:
Он то заскулит, прижимаясь, негромко,
То нежно лизнет приласкавшую руку,
То смотрит в глаза, словно просит о чем-то.

А я, теребя его теплые уши,
Смотрю, как над сопками тянутся стай;
Крик поднебесья врывается в душу
И просит остаться и не отпускает...
Владивосток.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Александр ДРАКОХРУСТ

Хабаровская долгая зима,
Метелей ошалелых кутерьма.
А после — будто прозелень
стекла —
В летучей дымке небо без тепла,

В летучей дымке небо без тепла,
А даль необозримая светла...
И поднимает голову чуть-чуть
Немного отогревшаяся ртуть.

И чуть парит замерзшая панель,
И чуть дрожит, не падая, капель,
Чуть громче споры
У дорожных карт.
Март.

Хабаровск.

делю, другую, потом взорвешься и разру-
гаешься вдребезги с этой недалекой Ниной, с
грязным, неприятным стариком Ходжером,
запрещаешь в своей комнате, упадешь на кров-
вать и долго будешь рыдать в подушку. А пе-
ред глазами все настойчивей и настойчивей
будут вставать университет, московские буль-
вары, нарядные, красивые люди, рекламы кино,
театральные афиши, весь тот неповтори-
мый аромат большого города, который нико-
гда, да, никогда тебе уже не придется вды-
хать полной грудью хозяина... От этой карти-
ны ему стало страшновато, и он впервые от
души пожалел Марусю, судьба которой сло-
жилась так незадачливо.

В это время до слуха Вадима донесся плеск
весел на речке, и тут же он услышал голос,
который мгновенно узнал.

— Ходжер! Ходжер! — кричала Маруся. —
Ты знаешь, какая радость? Победа, настоящая
победа!..

Голос далеко разносился в предвечернем
воздухе, он звенел, переливался, будто тыся-
чи колокольчиков одновременно начали свой
разговор. В нем слышались нотки такой ис-
кренней радости, что Вадим почувствовал, как
и его самого захватывает эта радость; он за-
торопился, бросил на стол книжку и быстро
шагнул к двери. «Нет, лучше подожду здесь.
Пусть скажут ей...»

Маруся, невидимая за кустами, продолжала
говорить:

— Ты послушай, как все получилось пре-
красно! Я читала лекцию для молодежи. Ка-
кую лекцию? Да так, о рыбах. Надо же им
хоть немного знать о лососе. Не знаю, навер-
ное, плохо читала, а под конец совсем раз-
волновалась и такого наговорила... Ужас!
А потом выступил председатель колхоза Се-
мен Федорович и, понимаешь ты, Аким, под-
держал меня. Да еще как поддержал! Ска-
зал, что завтра же выделит мне сюда людей
и мы начнем повертывать речку в старое рус-
ло. Тогда поднялся Вася Бобров и заявил, что
он предлагает объявить эту стройку комсо-
мольской... Шум поднялся страшный. Но хо-
роший шум... Что ты говоришь? Гость? Какой
гость? Да, и потом тут же начали записывать
всех желающих работать здесь...

Ходжер перебил ее:

— Тебя гость с самого утра дожидается.

— Ладно, — беспечно отозвалась Маруся, —
ждет с утра и еще может подождать две ми-
нуты. Ничего с ним не случится... Ну, хорошо,
пойду... Да, загрязнение, которое разрушила
большая вода на Кедровой, они тоже поста-
вят...

Вадим видел, как Маруся вышла из-за ку-
стов и не торопясь пошла к дому. На ней бы-
ло простое синее платье с длинными рукава-
ми, на ногах туфли на низком каблучке. Волосы
и шея были открыты. Волосы растрепались и,
светлые, слегка выходящие, спадали ей на лоб.

Невысокая, стройная, она шла к дому уверен-
ной походкой хозяйки и вдруг остановилась.
Она буквально замерла на месте и тыльной
стороной ладони провела по глазам. Потом
медленно поправила волосы, откинула их
назад и вдруг, вся загоревшись радостью,
бросилась вперед.

— Вадим! — Счастье, большое, вновь обре-
тенное счастье звучало в этом возгласе. Она
снова видела перед собой Вадима, родного,
близкого, хорошего Вадима, который отыскал
ее здесь, так далеко от Москвы, приехал сю-
да, и опять они будут вместе, но теперь уже
навсегда... — Вадим, — повторила она и замед-
лила шаг. Теперь голос ее звучал уже не так
радостно, нотки тревоги и отчуждения послы-
шались в нем, она как бы приглядывалась,
примирялась к этому неведомо откуда по-
явившемуся Вадиму, разглядывала его други-
ми, сразу потемневшими глазами, и в самой
глубине их, на дне маленьких золотых колод-
цев, можно было прочесть опасение и страх.
Она остановилась и еще раз сказала: — Ва-
дим! — Но теперь в это простое слово она
вложила всю боль своего сердца, всю тоску
в долгие зимние ночи, когда так одиноко бы-
ло на ее узкой девичьей кровати, когда хоте-
лось большой и красивой любви, а надо было
обнимать только подушку, горячую, но совер-
шенно равнодушную к ее горестям и печа-
лям. И она посмотрела на него теперь уже
совсем чужими глазами.

— Здравствуй, Маруся! — сказал Вадим и
шагнул к ней навстречу.

— Здравствуйте, Вадим Николаевич, — отве-
тила Маруся холодно и протянула ему руку.
Но тут же, сделав над собой усилие, она рас-
смеялась и сказала еще раз: — Здравствуй,
Вадим. Каким ветром занесло тебя в наши да-
лекие края?

— Какие же они теперь далекие? Двена-
дцать часов на самолете — и здесь. Совсем
близко. Я еду в низовья Амура, на вашу Ам-
гунскую станцию, пробуду там месяца два.
Меня интересуют хищники. Я подбираю мате-
риал для диссертации...

— Для диссертации? — переспросила Ма-
руся.

— Что это тебя так удивляет?

— Да нет, ничего. Пожалуйста...

— У нас ведь порядки строгие: три года — и
чтобы была диссертация, а то — фьють, на все
четыре стороны! Кстати, я летел сюда вместе
с начальником вашего управления Антиповым.
Он очень хорошо отзывался о тебе, — соврал
Вадим.

— Антипов? Обо мне? — Маруся недовер-
чиво улыбнулась.

— Да, Антипов Николай Семенович. Милей-
ший человек. И тема, над которой он рабо-
тает, интереснейшая. Понимаешь, это широкий
взгляд на все наше рыбное хозяйство, на про-
цессы, происходящие в нем. Я полагаю, —

произнес Вадим докторальным тоном, — что
будущее за ним...

— А я полагаю, — сказала Маруся, подделыва-
ясь под тон Вадима, — что всей этой чепухе
с солнечными пятнами судьба скончаться в
том же кабинете, где она родилась. — И, воз-
мутившись, заговорила возбужденно: — Сидят
эти кабинетные ученые и выдумывают, нет,
просто высасывают из пальца темы для науч-
ных работ. Солнечные пятна, гидрометеороло-
гический режим, зависимость второго от пер-
вого, и так далее, и тому подобное... А лес тем
временем на реках рубят, нерестилища гиб-
нут, рыбу хищнически вылавливают... Вот куда
надо смотреть, а не успокаивать себя всяки-
ми космическими процессами...

Вадим посмотрел на нее с сожалением.

— Ты смотришь на все со своей колоколь-
ни. А колоколенка-то у тебя маленькая, ни-
зенькая, дальше своей Кедровой с нее ничего
разглядеть невозможно. Это называется уз-
ким практицизмом. Отсюда все беды...

— Отсюда?! — воскликнула Маруся. — Узким
практицизмом!.. А как это называется: сидеть
в Москве и писать диссертацию о хищниках
на Амуре? Это же...

— Это тоже в тебе говорит узкий практи-
цизм... — перебил Вадим и вдруг расхохотал-
ся. — Ну вот, мы завели с тобой целый науч-
ный спор. Ну его к черту! Лучше расскажи,
как ты живешь.

— Как я живу? — повторила Маруся маши-
нально. В это время она заметила Нину, ко-
торая, сидя у открытого окна в доме, внима-
тельно слушала весь их разговор. — Живу я
хорошо. Очень хорошо, — подтвердила она. —
У нас здесь много солнца, много тайги и мно-
го воды. Все, что необходимо человеку, в из-
бытке. Прости, пожалуйста, я не пригласила
тебя в дом.

— Ничего. Пойдем пройдемся.

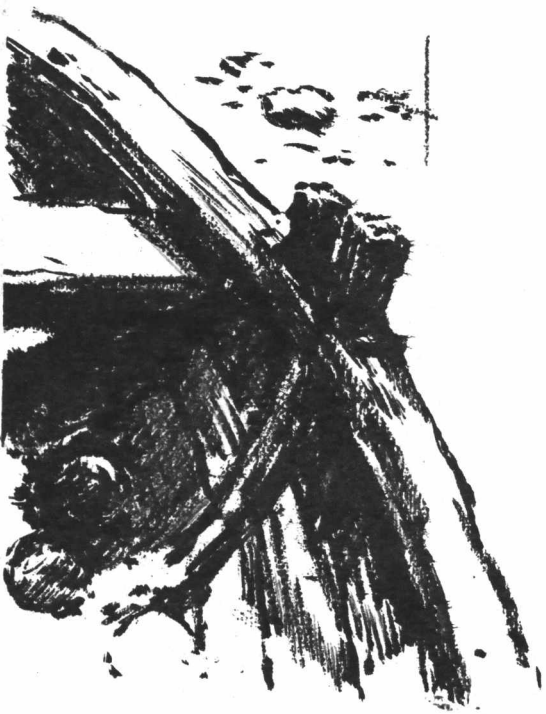
— Хорошо. Подожди минутку, я сейчас
вернусь.

Маруся быстро взбежала по ступенькам
крыльца, хлопнула дверь и скрылась в своей
комнате. Все спокойствие, с которым она
только что разговаривала с Вадимом, исчезло.
Вадим, ее родной Вадим, стоял рядом с ней,
улыбался, смотрел на нее. Можно протянуть
руку и дотронуться до него, можно прижаться
к нему, прильнуть, отдаваясь этой безмолв-
ной ласке, можно провести ладонью по его
волосам, ощутить их мягкую упругость, мож-
но... Впрочем, ничего этого нельзя, нельзя по-
тому, что это не ее Вадим, он чужой, гость в
их доме, с которым завтра придется простить-
ся, с которым она простилась уже давно...
Она схватила зеркало, но не посмотрелась в
него, а прижала ко лбу и долго сидела у сто-
ла, прижимая зеркало, ощущая, как все теп-
леет и теплеет оно. Потом встала, поставила
зеркало и подошла к окну. Вадим нетерпели-
во прохаживался взад и вперед. Он шагал ши-

рокими шагами, казалось, нетерпение охватило его всего и он ждет ее, Марусю, считая минуты, как будто от этих минут зависит вся его будущность. И снова трезвое суждение о происходящем покинуло Марусю. Охваченная радостью, она вышла на улицу.

День догорал. Солнце медленно опускалось в облака над Амуром, они были розовые и клубились, как пена. Отблески ложились на Амур, и странно было видеть, как по неправдоподобно черной воде ползут эти легкомыс-

ленно розовые разводы. Деревья замерли в предвечерней тишине, стояли настороженные, будто ждали чего-то неприятного. Где-то высоко над головой вскрикнула одинокая птица, но тут же смолкла, как бы испугавшись своего голоса. Ласточки безмолвно летали над самой водой.

Маруся и Вадим медленно шли по берегу Амура. Они молчали. Маруся радостно слушала эту замершую вечернюю тишину, ей казалось, что она явственно различает в ней величавые, торжественные звуки. Она вспомнила, что когда-то давно слышала однажды в консерватории орган, он звучал так же торжественно и величественно, как бы обнимая ее всю, и она, покоренная этой музыкой, долго ходила по улицам Москвы, счастливая.

Вадим наконец заговорил:

— Как у вас здесь все глухо и страшно! Я никогда не согласился бы жить так далеко от людей. И этот Амур, черный, неприятный... Бр-р-р... — Он поморщился. — Не понимаю я тебя.

— Нет, почему же...

Вадим перебил ее:

— Унылый старик Ходжер, еще более унылая Нина. Честное слово, с ума сойти можно.

Маруся мягко возразила:

— Аким Ходжер вовсе не унылый. Он умный и веселый. Говорит, правда, мало, но зато как скажет, так в самую точку. А Нина... Нина, она просто такая, что ее не сразу поймешь. Но она тоже хорошая.

— У тебя все хорошо, один я... подлец.

Маруся отлично помнила этот разговор. Они шли по тропинке с дачи Вадима, и ветки вербы с мягкими белыми шариками задевали их лица. Но они не замечали их. Они не заметили и первой бабочки, что выпорхнула у них из-под ног, не видели мальчишки, что, прильнув к березе, жадно высасывал из надреза сладкий весенний сок, не обратили никакого внимания на высокое синее небо, необычное в это время для Подмоскovie. Они молчали. Странно было, что молчит Вадим. Маруся обернулась и взглянула на него. Высокий, красивый, он шагал вслед за ней и совсем не казался взволнованным. Она спросила сердито: «И что же ты думаешь?» Он молча развел руками. Потом сказал: «Сама видишь, как получается». «Что получается?» — спросила она, не поняв. «Ну, видишь, как мать встретила...» «А ты-то что думаешь?» «На восемьсот рублей разве мы проживем?» «Какие восемьсот?» «На аспирантскую стипендию». «Ты плюнь на аспирантуру, и поедem с тобой куда-нибудь на Каспий или в Мурманск. Аспирантура не уйдет...» «Ты говоришь чепуху». «Как чепуху? А как же я?» «Ну, как-нибудь все образуется». «Ты по-

нимаешь, что говоришь?» «Отлично. Но и ты тоже меня пойми правильно, что я не могу так просто сломать всю свою карьеру». «А жизнь?» «Что жизнь?» «Жизнь сломать можешь?» «Если б у тебя была квартира в Москве...» «Очень удобно: любовница да еще с квартирой...» «Ты же сама настояла, чтобы я привел тебя сюда, домой. Ну, вот и получилось...» Она повернулась, и ей показалось, что она смотрит на него сверху вниз: «Ты подлец, самый настоящий подлец. И не смей даже ко мне подходить в институте...» Она быстро пошла по тропинке, все шла и шла, не оглядываясь, а когда оглянулась, то Вадима не увидела...

— Ах, ты вон что вспомнил...

— Да, Маруся, я все помню... Вадим заговорил горячо, внутренне усмехаясь своей горячности. — Я все помню. Как тебя поцеловал в первый раз, как мы с тобой до рассвета гуляли по набережной около Кремля, как ты прошлой весной прогнала меня...

— Но ведь ты сам...

— Что сам?

— Сам ушел.

— Как у тебя все просто!

— Иначе я не могу. Ты остался со своей мамой, с дачей, наверное, у вас есть сейчас

машина... Ты, наконец, пристроился в аспирантуру...

Она говорила все это без злобы, тихим, ласковым голосом и так же ласково взглянула на него. Но Вадим не заметил ничего этого, его задела не столько слова, сколько тот тайный смысл, что, как казалось ему, был заложен в них. Он возмущался тем, что Маруся смеет упрекать его.

— Что же мне, из-за тебя порывать с родителями, бросить научную работу и ехать в какую-нибудь дыру? Так? — Вадим сказал это жестко и зло. Его красивое лицо стало вдруг неприятным. Какая-то гримаса пробежала по нему, глаза смотрели на Марусю теперь отчужденно. — Как ты не можешь понять, что там, у профессора Кондратьева, передо мной открывается широчайшее поле деятельности, там через три года я буду кандидатом, а потом защитю и докторскую. Да, может быть, не так далеко и время, когда профессор Синявин будет выступать с лекциями в тех самых аудиториях, где мы слушали с тобой всяких стариков... Про-фес-сор Си-ня-вин! Ты слышишь, как звучит это? Здорово! Музыка! — И он, рассмеявшись, вдруг потянулся к ней. — Слушай, Марусенька, я заехал всего на один день. Давай не тратить времени на эти бесплодные споры. Давай вспомним старое...

Что-то фальшивое, неискреннее послышалось ей в этих словах Вадима. Она отшатнулась и со страхом взглянула на него. Он стоял, слегка наклонившись к ней, и лицо его ярко пылало, освещенное вечерней зарей. Оно было красным, почти багровым, какие-то тени бродили по нему, и эти тени делали лицо особенно неприятным. И она поняла, что это совсем не тот Вадим, которого она ждала долгими зимними ночами, ждала с нетерпением и надеждой, что того Вадима давно нет, он остался далеко позади, в кругу непонятных и чуждых ей интересов, что и сам он чужой, совсем чужой ей. Она ждала, что все в ней всколыхнется, занеет болью, острой и нестерпимой, но, к своему удивлению, ничего похожего не обнаружила. Маруся почти спокойно смотрела на его красное лицо и думала, что вот еще несколько мгновений — и краски погаснут, останутся только черные тени, которые будут расти, расти, окутывать все лицо... И она сказала ему, чуть улыбнувшись:

— Становится холодно, Вадим. Пойдем домой.

— Но...

— Нет, Вадим. Мы сейчас пойдем домой, поужинаем, а затем Ходжер в лодке отвезет тебя в село, и ты сядешь на пароход и поедешь, куда тебе требуется. Тебя ждет большая жизнь, профессорская кафедра, тебя ждут московские улицы, а я, маленькая и незаметная, останусь здесь, на своей Кедровой. Буду отстаивать ее, ругаться с Антиповым, с браконьерами, буду жить здесь и здесь искать свою судьбу...

— Марусенька... — Вадим снова потянулся к ней.

— Я не верю ни одному твоему слову, Вадим. Нет, не насчет научных работ... Это, наверное, так и есть. А вот тому, что ты называешь меня «Марусенька», этому я не верю. Тебе надо делать карьеру, как ты говоришь. Ну что же, делай, пожалуйста, на здоровье, пока мы не придем и не посмотрим на все критическим взглядом...

— Кто это вы? — сердито спросил Вадим.

— Кто мы? Практические работники... Нет, не то. Народ. Да, народ... Надо идти, Вадим, предупредить Ходжера... — И она, не ожидая ответа, даже не взглянув на него, быстро пошла к домику станции.

Вадим шел сзади. Он смотрел на ее ма-

ленькие ножки в стоптанных туфлях, что оставляли отпечатки на прибрежном, слегка влажном песке, видел, как слегка покачивается ее фигура и в такт этим покачиваниям медленно ходит из стороны в сторону золотистый пук волос на затылке. И вдруг в памяти снова встало сравнение двух женщин: его жены, Вики, похожей на черную цветущую розу, и Маруси, напоминающей скромный полевой цветок. И этот цветок, ромашка или колокольчик, показался ему дорожкой. Он сказал мягко:

— А ведь я люблю тебя, Маруся.

Ножки замедлили ход, вот они совсем замерли на одном месте. Маруся повернулась. Она смотрела на Вадима грустно и радостно, но ничего не сказала, только молча покачала головой.

— Пойдем, Вадим. Тебе пора ехать, — наконец произнесла она и зашагала к дому. — Седой, Седой! — кричала она через мгновение, увидев бегущую навстречу собаку. — Ах ты, Седой, хорошая Седина моя... Ну зачем же так? — Седой подбежал, положил ей лапы на грудь и, улыбаясь во всю свою собачью морду, норовил лизнуть ее в губы. Он пачкал своими лапами платье на груди, но Маруся не обращала на это внимания, только отстраняла лицо от его длинного розового языка. — Хороший наш Седой? — повернулась она к Вадиму.

— Отвратительный пес, — сказал Вадим хмуро.

Через полчаса Вадим уезжал. Он больше почти не говорил, молча поужинал и так же молча сел в лодку, еле кивнув на прощание Нине. С Марусей он попрощался холодно:

— До свидания, Мария Алексеевна.

— Прощай, Вадим. Заглядывая на обратном пути.

— Если удастся... Спасай свою Кедровую.

— Постараюсь. В Москве кланяюсь.

— Кому?

— Кто меня помнит.

— Не много таких найдется.

— Так передай привет этим немногим...

Лодка двинулась, и Маруся невольно пошла вслед за ней по берегу. Тьма еще не сгустилась, и она несколько минут различала согнутую спину Вадима и лицо Ходжера, замкнутое, с неизменной трубкой в зубах. Но вот все расплылось, еще минуту или две она слышала плеск весел, но и этот звук вскоре затерялся в сумраке ночи. Маруся дошла до тополя, обняла его и прижалась щекой к его гладкой коре. Кора приятно холодила щеку.

Она долго стояла так в полном одиночестве. Большая ночная жизнь начиналась вокруг нее — назойливо звенели комары, почти беззвучно пролетала сова, где-то крякнула утка, что-то прошуршало в траве у самых ног, — но она не замечала всего этого, а все стояла, теснее прижимаясь к тополю. Какое-то холодное чувство равнодушия владело ею, и она со страхом прислушивалась к нему. Именно это равнодушие и казалось ей самым страшным, но сколько ни старалась, не могла отыскать ничего другого.

Подождала Нина. Она встала рядом и долго молчала. Затем спросила:

— Поссорились?

— Не помирились, — коротко ответила Маруся, направляясь к дому.

Утром она встала на заре и распахнула окно. Золотое дальневосточное утро поднималось над Амуром. Здесь, под деревьями, еще лежали ночные тени, только отдельные капельки росы поблескивали кое-где, а там, над Амуром, солнце уже властвовало восток. Широкою, светлую дорогу проложило оно по реке, и эта дорога сверкала, переливалась тысячами огней, словно хотела захватить, подчинить своей сверкающей красоте весь Амур.

«До чего хорошо жить на свете!» — подумала Маруся, с наслаждением вдыхая в себя свежий утренний воздух.

Тут она увидела на тополе, на самой вершине его, среди темной листвы, желтый, ядовитый клуб омелы. «*Viscum coloratum*», — отметила она про себя машинально и вдруг ужаснулась и одновременно обрадовалась пришедшей ей в голову мысли, что Вадим и эта *viscum coloratum* имеют между собой что-то неумовимо общее.

Хабаровск.

В НАС
на Дальнем
У НАС

Симфонический оркестр создан

В музыкальной жизни Комсомольска произошло большое событие: в городе создан первый симфонический любительский оркестр.

Интересна история его создания.

Много лет назад в небольшом домике, который стоял на опушке тайги, жил врач Борис Борисович Кейзер. По вечерам у него собирались любители музыки. Одни, чтобы принять участие в импровизированном концерте, другие — послушать. И над тайгой звучали мелодии Чайковского, Бородина, Глинки, Бетховена... Слушали их первооткрыватели Комсомольска, те, кто днем корчевал тайгу, осушал болота, воздвигал заводы. Люди мечтали о том дне, когда и у них в городе будет создан настоящий симфонический оркестр. И вот недавно в малень-

кий домик — теперь он стоит в центре города — пришел молодой музыкант, воспитанник Ленинградской консерватории Иван Евсеевич Щербаков. От старожил города инженера А. Мамичева он узнал о давнишней мечте первых комсомольчан и решил ее осуществить. Энтузиасты нашлись быстро. Горным партиям помог музыкантам. Подобрали инструменты, не хватало только скрипки-альта. Ее подарила оркестру вдова доктора Кейзера, Мария Игнатьевна.

На первом выступлении симфонического оркестра в большом зале городского Дворца культуры не было ни одного свободного места. Жители города пришли как на праздник. Концерт из произведений Чайковского прошел с большим успехом.

Б. АЛЕНКИН,
старший редактор Дальневосточной студии кинохроники.

Фото А. Личко.

Комсомольск-на-Амуре.

Э. Кузнецова — пианистка.

А. Мамичев.

И. Щербаков — дирижер.

С. МОРОЗОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

По следам рыбы

Как жаль, что рыба не говорит! Наверное, о многом могла бы рассказать эта плотная, увесистая кета, которая минуту назад плескалась в зеленоватой тихоокеанской воде, а сейчас трепещет в мускулистых руках Василия Андреевича Секача.

Секач — бригадир на ставном неводе — осматривает бурые шрамы на голове и спине рыбыны, шрамы, которые совсем недавно были кровотокающими ссадинами, и поясняет:

— В японских сетях побывала. И вырвалась. С характером, видно, рыбака. К дому стремится, на родину!

Шрамы на теле кеты — след капроновой сети, крепкой, будто металл, врезающейся в живую ткань. Где-то далеко отсюда — от гористых берегов Камчатского залива — в открытом море с японских судов выпускают дрейфтерные сети, чтобы преградить путь кете, кижучу, чавыче, горбуше, нерке — бесчисленным лососевым косякам, которые идут на нерест в реки Камчатки. Невольно представляешь себе, с каким ожесточением вырывался из сети этот зубастый, горбоносый самец, весь точно из вороненой стали. И сейчас, когда рыбаки тянут тяжелую ловушку ставного невода, морская вода у борта кунгаса кипит множеством бурунов, поднятых острыми плавниками и хвостами.

Сетчатый черпак — каплёр — то опускается в этот водоворот, то, нагруженный доверху, опорожняется над кунгасом. Тут, в тесноте, сваленные одна на другую, рыбы бунтуют еще яростнее. Во все стороны летят чешуйки, — знай, береги глаза, а то ослепнешь, рыбаки! Когда кунгас полон до краев, его закрывают брезентом, и толстая ткань еще долго вздыбливается изнутри: не сразу засыпают пойманные лососи.

Подходит катер, берет кунгасы

на буксир. Сняв клеенчатые куртки и шляпы-звездочки, рыбаки собираются за столом.

Что может быть ароматнее свежей ухи из кеты, какое блюдо сравнится с поджаренными головами кижуча! Нас угощают и оранжевой икрой, золотящейся отблесками заката, свежепросоленной кетовой икрой, которую подают на стол в огромном эмалированном тазу и едят столовыми ложками, будто кашу.

— Японцам в море такой икорки не видать: раньше времени они рыбку перехватывают, созреть не дают. Не честно это, не по-хозяйски! — укоризненно замечает Секач. — Ведь мы тут близ устья как ловим? Так, чтобы и в реку к нерестилищам рыбу пропускать, всегда заботимся о воспроизводстве.

Наш небольшой караван входит в устье реки Камчатки, минует пенные буруны на песчаном баре, швартуется у пристани рыбокомбината. Пока в кунгасы опускают трубы насосов и наливают воду, пока пойманная в море рыба мчится в бурлящих струях по лоткам в разделочные цехи, другие лососи, невидимые нам, минуют сети ставных неводов в заливе, входят в устье, продолжают свой путь вверх по реке.

Любопытно побывать в цехах, где по конвейерам движутся и едва заполненные и уже закрытые банки (тут лососи и в собственном соку и под соусами), но куда интереснее проследить природный конвейер в речных водах Камчатки. И мы плывем из Усть-Камчатка вверх, чтобы своими глазами увидеть то, о чем впервые рассказал двести лет назад академик Степан Крашенинников в своем «Описании земли Камчатки»: «Во всех родах тамошних лососей сие достойно примечания, что они в реках и рождаются и издыхают, а возрастают в море, и что по однажды токмо в жизнь свою икру и молоки пускают».

СОСЕДИ ОКЕАНА

Густо населены здешние воды. На широченном плесе едва приметными точками маячат лодочки речных рыбаков. Подойдешь поближе и видишь: ползет себе лодочка вниз по течению, а рыбак, не торопясь, выбирает из воды мокрую сеть, и, что ни метр, блестят большие рыбакины сквозь переплеты дели.

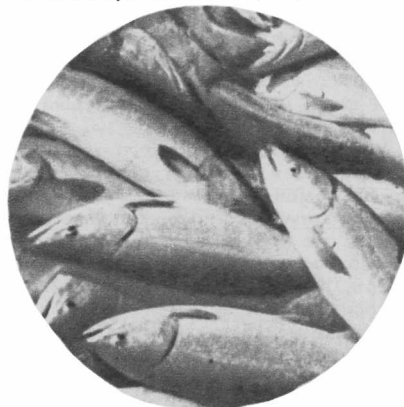
За песчаными косами устья пошли невысокие обрывы в густой зелени кустарника. Потом начался лес — кудрявые, с узловатыми, искривленными ветвями каменные березы растут на высоких холмах, подступающих к самому речному руслу. За холмами открылись бревенчатые срубы Нижне-Камчатка. Основанный еще во времена Владимира Атласова — первооткрывателя полуострова, он был сначала острогом, потом числился даже городом. А теперь тут всего только сельсовет и небольшой колхоз. Председатель сельсовета Петр Витальевич Портнягин — коренной камчадал, прямой потомок атласовских казаков, переживших на местных жителях. Он смугл, скуласт, говорит с характерным акцентом.

— Нерестилище посмотреть желаете? Что ж, можно... Поедем, однако... на Ажабачье...

К Ажабачьему озеру катер про-

бирается узкой протокой, на дне которой сквозь стекляннопрозрачную воду видны густые травы. Временами за кормой вскипает кофейная гуща: задели корпусом дно. Зато в Ажабачьем глубины морские. Окаймленное высокими лесистыми горами, оно отливает под солнцем темной синевой.

Высаживаемся на галечный пляж, изрезанный узкими журчащими ручейками; в них-то и заходят лососи, возвращаясь к родным пенатам после нескольких лет бродяжьей жизни в океане. Вместе с Портнягиным нашу группу возглавляет теперь и Михаил Тихонович Родионов — рабочий рыбомелиоративной станции. Это

Нерестилище близ озера Ажабачье. Сюда приходят лососи из океана метать икру и после нереста погибают. Председатель Нижне-Камчатского сельсовета П. В. Портнягин и рабочий рыбомелиоративной станции М. Т. Родионов осматривают нерестилище.

его заботами расчищаются потоки.

Мы шагаем сквозь густую и высокую — в рост человека — траву, хлюпаем по болотной трясине. Родионов и Портнягин держат на изготовку винчестеры. Тут и там на торфянистых кочках отпечатки когтистых лап. На примятой траве следы недавнего пребывания медведей запечатлены еще более зримо.

— Их, косолапых, тьма-тьмущая! — ворчливо замечает Родионов.

Поднимаясь по крутым откосам, с которых сбегает ручьи, мы волей-неволей пользуемся «медвежьими услугами» в самом, однако, положительном смысле слова. В траве аккуратно вытоптаны площадки, прямо ступеньки лестницы. Вот наконец и крохотное озерко — самое нерестилище. Сейчас оно более напоминает кладбище. В кристально прозрачной воде мертвая рыба: тушки кеты, кижуча, горбуши.

Усталая после долгого пути нерестующая рыба тут совершенно беспомощна. И медведи пользуются этим. Грустно, в общем, выглядит это крохотное озерко в таежных горах, откуда через ручьи, озеро, протоку и реку молодые лососи выходят весной в океан, в большую морскую жизнь. Сейчас эта будущая рыба молодое существо лишь в миллионах икринок,

надежно закопанных рыбами-родителями в галечном дне водоема. А сами родители, приведенные сюда могучим инстинктом размножения за тысячи морских миль и сотни речных верст, уже покончили счеты с жизнью. Вот на самую кромку берега рядышком высунули головы самка и самец — мертвые, уже заснувшие. Одна только, одна-единственная нерка вяло плещется в прозрачной воде. Мы ловим ее руками, фотографируем, выпускаем в воду, чтобы через несколько минут поймать вновь. И дивимся, как не похоже это полуживое существо на тех быстрых и тугих красавцев, которые недавно бились в морском неводе.

Пока мы философствуем над превратностями лососиной судьбы, Родионов и Портнягин заняты вопросами практическими.

Слушая их беседу, понимаешь, как много труда и сил отдают эти простые труженики — патриоты своего края охране рыбных богатств от хищников.

— Я вот что думаю: как лучше рыбку от косолапых оберегать, — говорит Михаил Тихонович и приглашает спуститься по крутому обрыву.

Там, у берега, рядом с глубокой пещерой, выкопанной в мягком грунте, видно, совсем недавно, лежит на спине медвежья туша. Брезгливо толкнув ее, Родионов

извлекает из травы проволочную петлю.

— Вот... Долго ждала моя ловушка косолапого, дождалась все-таки... А я, как на грех, целый месяц сюда не заглядывал. Мишка-то как залез в петлю, так и давай копать сдуру. Копал, копал да и сдох с голодухи...

Потом Родионов ведет нас в свою землянку под корнями дуплистого березы. В дупле мешочки с мукой и солью. В землянке рядом с железной печуркой закопанные, зачитанные книги: Майн-Рид, Лажечников, журнал «Спутник агитатора». Частенько ночует тут Михаил Тихонович, и летом и зимой.

— Так-то, председатель, — говорит он Портнягину. — Вот поставим скоро на Ажабачьем завод, как в Ушках, дело-то пойдет лучше.

— Это точно, — соглашается Портнягин и обращается к нам: — В Ушках побывайте обязательно. Тут, на Ажабачьем, все в натуре, как есть, а там, в Ушках, по науке. И мы едем в Ушки, поднимаемся по реке Камчатке еще добрых две сотни километров.

— Ушковский рыбопроизводный завод является как бы цехом Усть-Камчатского рыбокомбината, — тщательно выговаривая каждое слово, поясняет миниатюрная девушка с мальчишески любознательным выражением лица.

Людмила Соловьева — недавняя

выпускница Мосрыбвуза — еще не привыкла, чтобы ее величали Михайловной. Да и внешностью своей она так же далека от громкой должности «директор», как и «завод, являющийся цехом комбината», от того, что принято называть предприятием.

Мы стоим на лесной лужайке рядом с просторным и неглубоким озером, со дна которого бьют теплые ключи.

— Тут белые лебеди зимуют, вот красиво-то когда!.. — говорит Соловьева и вдруг смущенно умолкает: не директорское это дело — восхищаться лебедями.

А красиво, удивительно красиво здесь и сейчас, в начале осени! Над озерным зеркалом взлетают частые хрустальные всплески. Прозрачная синь воды вспыхивает вдруг яркими зарницами. Блистают, более того, торжествен брачный наряд лососевых. Все тело рыбы точно в пурпурной мантии, а острая голова отливает темно-фиолетовыми тонами. Можно часами наблюдать, как ныряют, плещутся самцы и самки — счастливые пары, наконец-то соединившиеся после всех жизненных тревожений. Как острыми плавниками и хвостами выкапываются глубокие ямки в галечном дне. Самка мечет туда огненную икру, а самец поливает ее белоснежными молоками. Пока гнездо закапывается, вокруг выноном выются прожорливые гольцы. Самцы отгоняют хищников, нередко пуская в ход свои острые кривые зубы.

Это в озере, на приволье. А рядом, в бухточке, садки для производителей. Шлюзы ограждают их от хищников внешнего мира. В темном гроте инкубатора металлические сетки, эмалированные кюветы. Там икру, искусственно оплодотворенную молоками, тщательно промывают, готовят к созреванию.

Скажу по совести, после романтики брачных игр, все эти процессы выглядят утомительно утилитарными. Но Людмила Михайловна Соловьева спокойным директорским тоном сразу вносит ясность в существо дела:

— При естественном нересте погибает часть икры.

Потому-то каждое лето перед началом нереста лососевых мы тщательно очищаем все это озеро от гольцов... Теперь рассмотрим искусственное оплодотворение; тут из десятка икринок со временем выклеивается восемь — девять мальков.

После паузы Соловьева резюмирует:

— Наш завод за тридцать лет существования вырастил семьсот миллионов рыб.

Директор Соловьева моложе своего завода на целых пять лет. Вместе с другим, столь же юным ихтиологом, Таисией Федоровной Литвиненко, она представляет весь инженерный и научный состав предприятия с общим штатом в десять человек. А заботиться надо и о миллионах будущих рыб, и о лошадях, которые стреноженными пасутся сейчас в лесу, и о мохнатых псах, отдыхающих на привязи у берега рядом с развешанной на жердях юколой. Лошади и собаки — заводской транспорт, летний и зимний. Ведь Усть-Камчатск отсюда неблизкий свет, да и с Козыревским — соседним селом — нет телефонной связи.

Отработав после вуза положенные три года, москвичка Соловьева

ва еще не торопится в отпуск в столицу. Не до Москвы нынче, и в Петропавловск-то некогда вы-браться...

В Петропавловске, в отделении Тихоокеанского института морского рыбного хозяйства и океанографии, завершаем мы свое «путешествие по следам рыбы». Ученые-ихтиологи И. А. Полутов и И. И. Куренков говорят с нами о том же, о чем говорил бригадир В. А. Секач в море на ставном неводе: о тревоге за судьбы лососевых. И снова вспоминается нам изувеченная японским капроном кета... Чем меньше зрелой, готовой к нересту рыбы прорывается сквозь заслоны японских сетей на свою родину — в реки Камчатки, тем сильнее сокращается воспроизводство, а значит, и запасы лососевых в Тихом океане. Неужели японские рыбопромышленники заинтересованы в этих запасах меньше нашего? Почему же они действуют в ущерб своим собственным интересам?..

Моряцкая столица

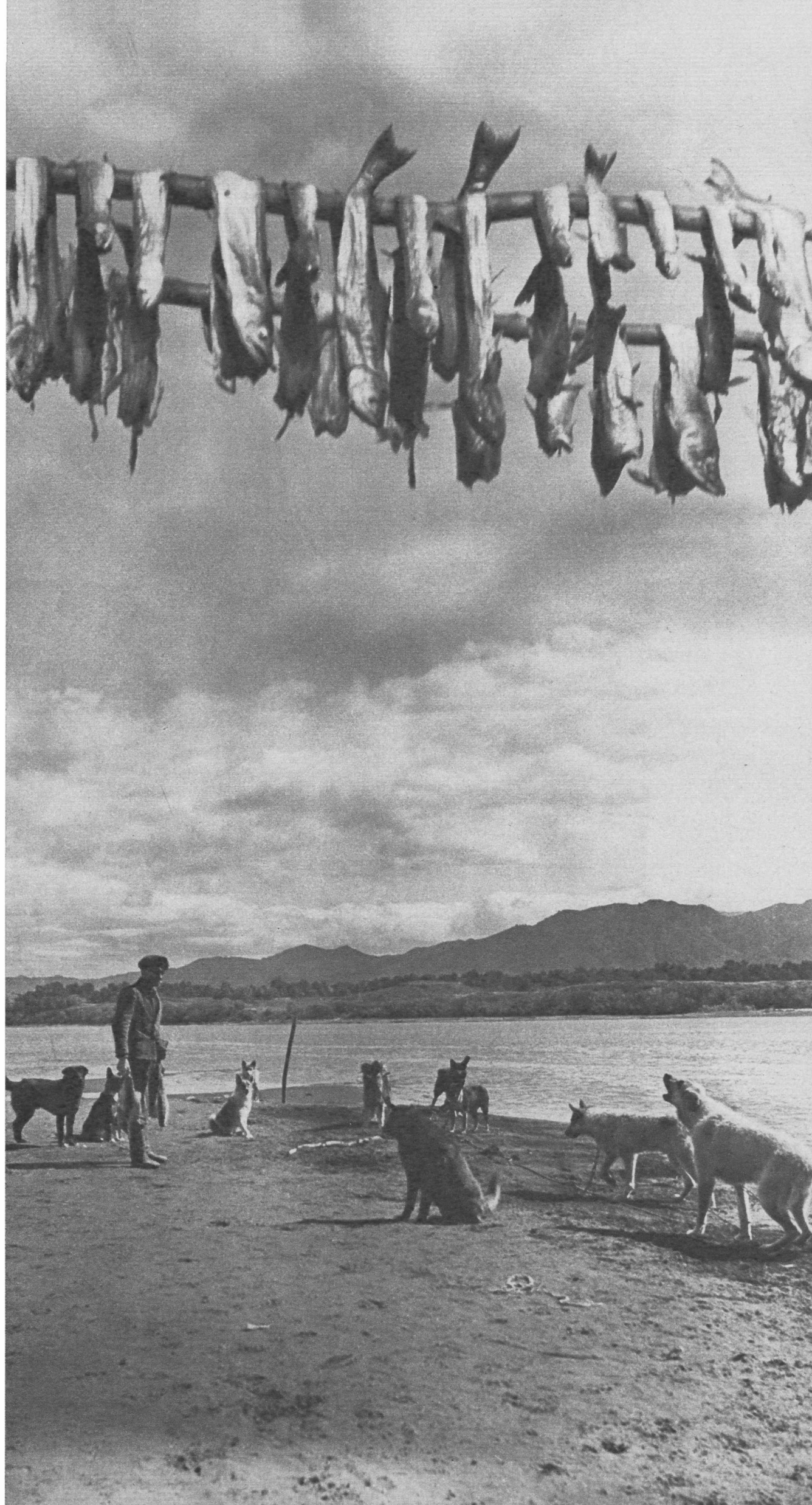
Лососи на Камчатке — то же, что золото на Колыме или алмазы в Якутии. Но Колыма не только золото, Якутия не только алмазы. И на Камчатке наряду с прибрежным промыслом лососевых существует еще и разносторонняя морская рыбная промышленность — сложная индустрия океана. Стоит вспомнить, что Камчатка дает многим менее десятой части всей рыбы, добываемой в стране, что более половины камчатской добычи падает на активный морской лов. А к концу семилетки удельный вес активного лова возрастет до 75 процентов, в два раза увеличит промысел камчатский флот.

Какие только корабли не повидаешь в Петропавловске! В центре города день и ночь грохочут якорными цепями, скрипят стрелами лебедек юркие сейнеры, степенные, осанистые траулеры. Из трюмов рефрижератора кран тянет связку ящиков, чтобы подать ее прямо на верхний этаж нового, только что отстроенного холодильника. В угольной гавани бункеруются плавучие базы рыболовных флотилий и транспортные пароходы. Чуть подальше, у морского вокзала, ошвартовался лайнер, пришедший из Владивостока. За зеленой и кудрявой Никольской сопкой, в солнечном мареве просторной Авачинской губы, белеет парусный наряд красавицы-баркентины, легкой и воздушной, будто сошедшей со страниц Станюковича. Там в стремительном беге по вантам и реям, в дружбе с соленым ветром курсанты петропавловской мореходки постигают азы матросского ремесла, чтобы с годами овладеть премудростью кораблевождения.

Свой, камчатский диплом, шутила! Ведь много, очень много штурманов дальнего плавания и судовых механиков нужно для сотен рыбацких кораблей, которые бороздят просторы Великого, или Тихого, океана. Промысел сельди, камбалы, трески, крабов идет и в Охотском и в Беринговом морях, и в Олюторском заливе и в Анадырском. И у всех этих кораблей на корме обозначен порт приписки — Петропавловск.

Основанный Берингом, посланцем Петра Великого, порт в Ава-

Верные друзья, надежные спутники — ездовые собаки. Летом и осенью они отдыхают, зато зимой помчат нарты за сотни километров.

чинской губе два столетия был захолустной корабельной стоянкой. А за последние два десятилетия, как свидетельствует всеобщая перепись, население его возросло в два с половиной раза. И сегодня областной центр Камчатки по праву можно назвать моряцкой столицей на севере Тихого океана.

В буднях порта, на стройках города пульс семилетки. Если глаз ваш утомится зрелищем корабельной сутолоки у причалов и вы отвернетесь от бухты, то и на горизонте берега снова увидите мачты, но уже другие. Стрелы башенных кранов поднимают контейнеры с кирпичом, то готовые железобетонные панели и балки. Новые дома растут и на равнине, чуть в стороне от моря, — это рыбацкие кварталы — и вдоль бухты, поднимаясь террасами по склонам сопки, — жилые массивы портовиков, моряков торгового флота, судоремонтников.

По уличному асфальту, свежее вымытому поливальной машиной, мчат автобусы. Они то преодолевают крутые подъемы, то резко притормаживают, съезжая в низины. Снаружи автобусы блестят свежей окраской, а внутри по степени уплотненности могут сравниться с сельдяными бочками.

— Что поделаешь, — говорят в Петропавловске, — автобусов у нас больше восьмидесяти, но город-то растянут на двадцать три километра.

И понятна досада строителей: под каждый квадратный метр строящегося жилья надо отвоевывать площадь у гор, перелопачивать многие кубометры земли.

— Вот проложили недавно водопровод — десятка на три километра. Казалось бы, немало, но для благоустройства города это капля в море.

Новая ТЭЦ, которая будет построена в семилетке, заменит более сорока карликовых электростанций, работающих еще сегодня в Петропавловске.

Да, благоустроить по единому плану большой город, стихийно разросшийся из припортового поселка, — дело нелегкое.

И все-таки черты нового вырастают все отчетливее. Город украсился отличным стадионом, который соорудили нынешним летом на месте заболоченной низины. Стадион, конечно, уступает Лужникам, но болельщики ценят его особенные, чисто камчатские преимущества: как бы ни были переполнены трибуны, на склонах соседней сопки всегда найдется место.

Неподалеку от стадиона, на Култучном озере, появились байдарки — первые вестники водно-спортивной станции. Пустырь рядом с озером уже называют Театральной площадью: новое здание драматического театра строится здесь.

Теплая, приветливая земля...

Но «курица не птица, Петропавловск еще не Камчатка» — гласит местная шутивая поговорка. В самом деле, асфальт кончается еще в городской черте, а по шоссе отведешь от Петропавловска километров сто от силы.

Зато в любой уголок полуострова в считанные часы домчит самолет.

Сколь привычен камчадалам воздушный транспорт, мы судим по соседям в кабине грузового «ЛИ-2». Едва успел пилот набрать

высоту, как чемоданы превращаются в сиденья, перетасована пухлая колода карт. В подкидного режутся и два бравых морячка с затейливой татуировкой на руках, и солидный хозяйственник, отложивший в сторону объемистый портфель и мягкую шляпу, и молодая мать, ухитряющаяся одновременно укачивать грудного младенца. Все они местные жители и, понятно, равнодушны к видам за окном. А мы, люди приезжие, смотрим во все глаза.

Там, выизу, на земле, заснеженные вершины вулканов являлись нашему взору из-за облаков небесным видением, этаким библейским Синаем. А тут, наверху, они кажутся совсем рядышком, выглядят домашними, ручными. Вот Авачинская сопка, чьи красновато-бурые склоны пропаханы древними следами лавы. Вот Корякская с кудрявым дымком над кратером.

Точно обув сапоги-скороходы, мы легко перешагиваем горный хребет и сразу попадаем словно в другую страну. И следа не осталось от приморской сырости. Под безоблачным небом сочно зеленеют леса, голубой лентой вьется полноводная река. Когда самолет садится на площадке, вырубленной в тайге, в открытую дверь кабины врывается воздух, горячий и сухой, смолистый, пронизанный пылью.

В этом авиация неповинна. «ЛИ-2» пошел дальше по своему маршруту, мы едем на «газике» по тряскому проселку, потом шагаем лесными тропами, а в гору все першит, в носу все щекочет. Вытрешь платком потное лицо, и он становится пепельно-серым. Всюду здесь вулканический пепел. Всю округу — лес и поля, луга и холмы — покрыл толстым слоем мельчайший, мягкий, как пудра, порошок после того, как однажды в марте 1956 года «проснулся», «заговорил» веками молчавший вулкан Безымянный.

Пожалуй, летняя пыль — еще большая помеха для камчатских лесорубов, чем глубокие, по пояс, зимние снега. Но и зимой и летом — круглый год электропилы срезают двухсотлетние стволы лиственниц, тракторы и трелевочные лебедки тянут на стальных тросах гигантские хлысты. В зимнем убранстве камчатская тайга, надо думать, выглядит наряднее, чем теперь. Нырять по ухабам, окутанные серыми облаками, мчат по лесным дорогам машины с прицепами. Хлысты свозят к реке Камчатке, сплавляют цепями, тросами, стальными скобами. Лес сплавляют и в Ключи — там делают бочки и ящики для рыбы, строят баржи и катеры — и в Усть-Камчатск — там плотят морские «сигары» и буксируют их дальше по всему побережью.

Совсем недавно еще строительный лес ввозили на Камчатку из Приморья и Приамурья. А теперь из лиственницы, которой так богата долина реки Камчатки, сооружают портовые причалы, склады, дома не только по всему полуострову, но и на Охотском побережье и на Чукотке. Камчатская лесная промышленность стала индустрией, вслед за техникой пришла в тайгу и наука.

— Милости прошу в Леший-град, — гостеприимно встретил нас профессор Николай Евгеньевич Кабанов и повел меж рядами палаток под лиственницами.

Изучать лиственничные леса приехал на Камчатку профессор Н. Е. Кабанов.

У походной кухни выгружались огромные бидоны.

— Знаете, с чем? — прищурился профессор. — С водой. Из села в лес возим. Тут ведь влаги и капли не сыщешь... Особенный лес на Камчатке. И как он растет, по каким законам, ученым пока неизвестно...

Интереснейшие вещи узнаешь от Кабанова — руководителя лесоводственного отряда Камчатской комплексной экспедиции Академии наук. Оказывается, под почвой на глубине нескольких метров тут всюду сплошная вулканическая плита. А поверх почвы сухие листья и травы лежат столь толстым слоем, что заглушают всходы древесных семян. Вот ученые и стремятся расчистить этим семенам дорогу, создать условия для возобновления камчатских лесов. Вокруг палаточного «Лешийграда» разбиты опытные участки. Обширная программа исследований рассчитана на семь лет.

Многообразна земля камчатская. Какие только пейзажи не открывались нам, сменяясь, будто кадры киноленты!

Осталась за спиной таежная чаща, а впереди под осенним солнцем золотятся нивы спелого ячменя и овса. Точно корабль, преодолевающий волны, плывет по разливу клеверного поля силосоуборочный комбайн. На пойменных лугах — высоченные стога, овеянные запахами недавно скошенных трав. А рядом с широким и пустынным плесом над приречными джунглями ивняка вспархивают стаи диких уток.

В пасмурный день порой мы чувствовали себя то будто на Среднерусской равнине, то в предгорьях Кавказа, то в Днестровских плавнях. Но вместе с солнцем проглядывали из-за облаков седые головы вулканов, напоминая о Камчатке.

«Край огнедышащих гор»? Нет, пожалуй, это чересчур громко и

выспренне. Куда проще сказал в беседе с нами Тит Феофанович Дорофеев из колхоза «Красная звезда»:

— Земля тут теплая, приветливая к человеку. К ней только руки приложи...

Представляясь нам, он с достоинством произнес несколько непривычное на слух слово «парниковод» и сразу повел в свой стеклянный городок, а там угостил свежими огурцами и помидорами.

— Второй урожай за год снимаем. Да и грех бы растению не жить на такой благодатной почве. Копни метра на три — и сразу подземная вода, точно в бане!..

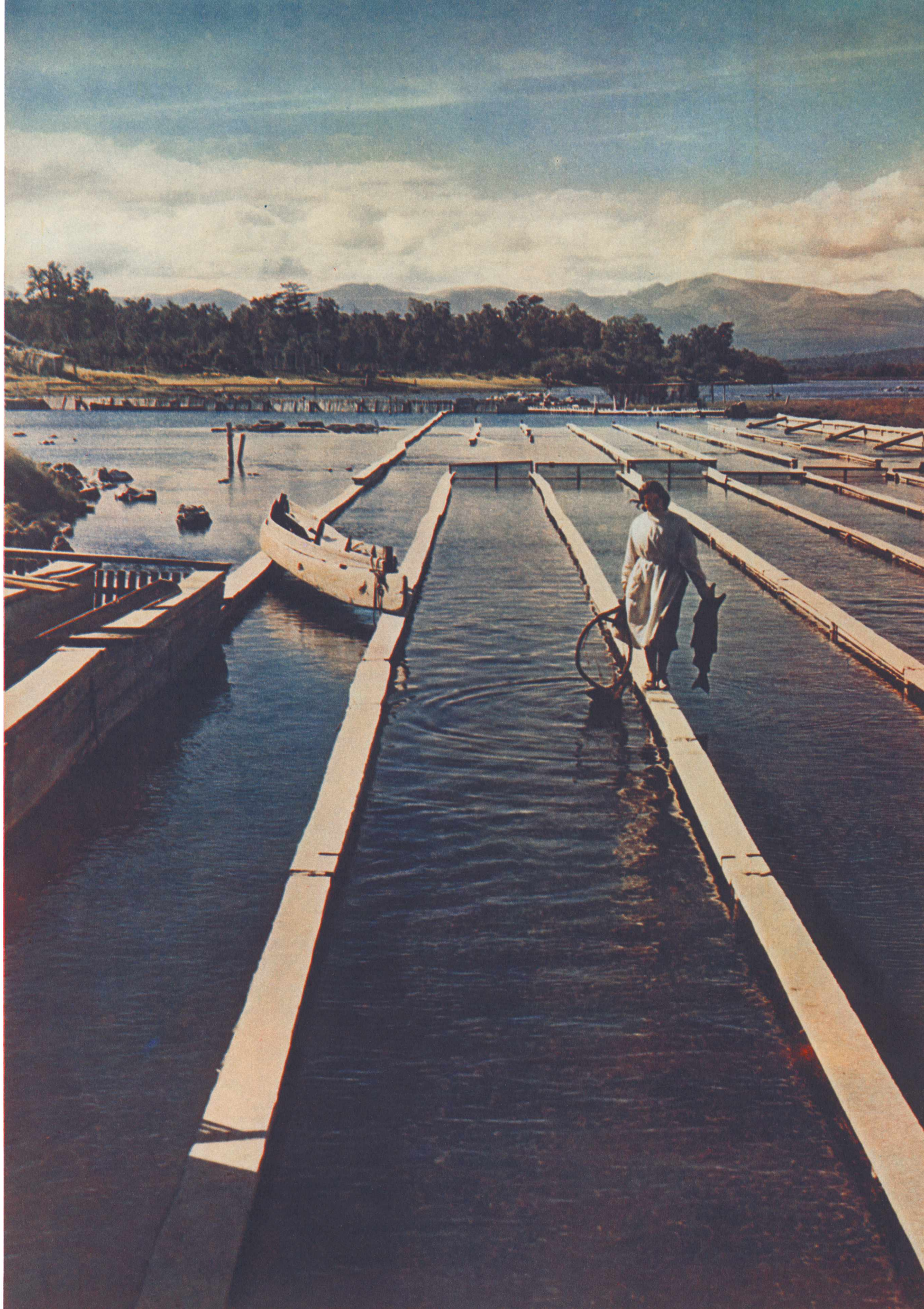
Что и говорить, неплохо стараются для колхозных огородов камчатские вулканы!

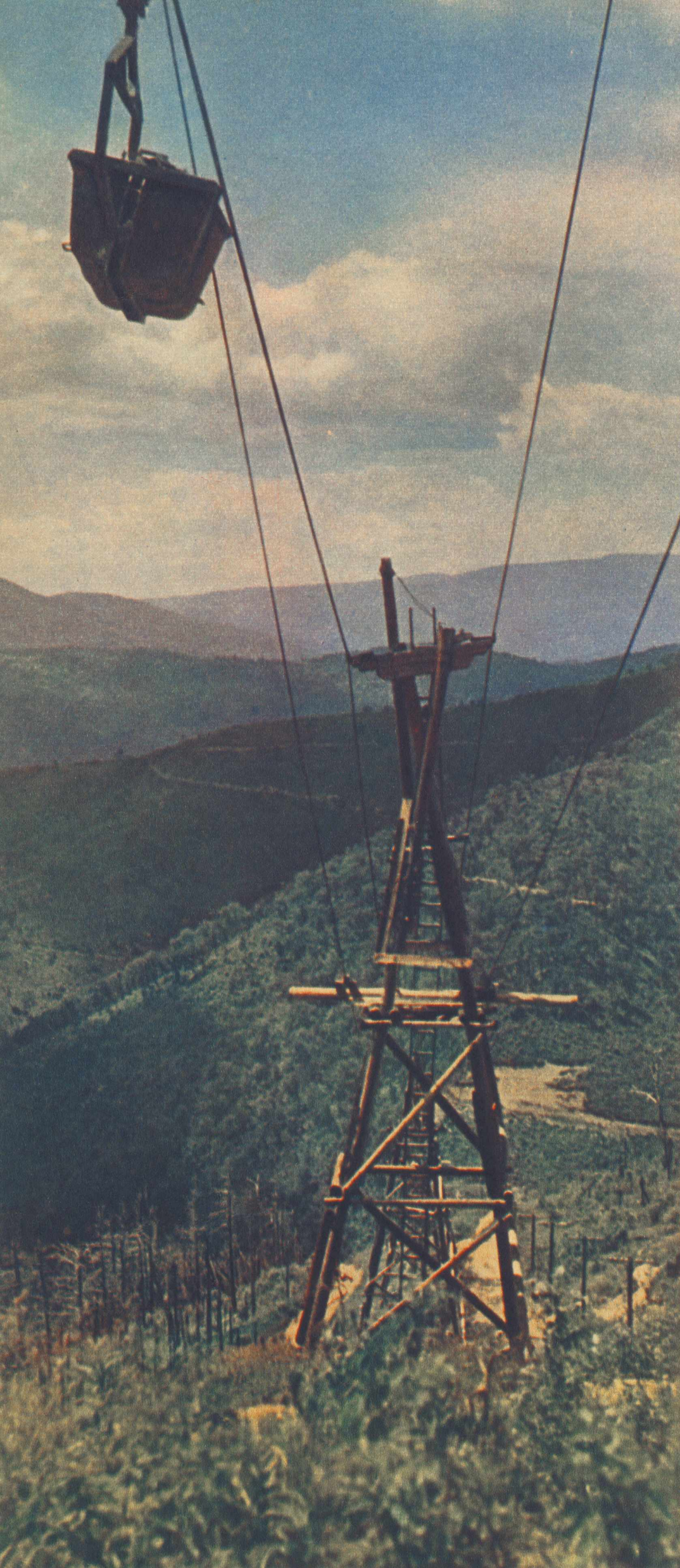
— От людей тут одно требуется — береги тепло. — Знакомое со строительством новых, шлакобетонных теплиц, Дорофеев показал на соседнее высокое светлое здание, украшенное скульптурами у входа.

— Купальни! Санаторий здешний Паратункой зовут, как и наше село. Первый на Камчатке курорт, первейший. Ездил я как-то в Москву, на выставку, звали меня оттуда на Кавказ. Нет, говорю, спасибо, лечиться или отдыхать нам, камчадалам, дома сподручнее. Да что хвастать!.. Вы сами попробуйте с докторами здешними потолкуют...

И мы купались досыта — плавали, ныряли в горячей проточной воде. А потом бродили меж кудрявых каменных берез аллеями санаторного парка, беседовали с врачами и отдыхающими. Со всей Камчатки, с Курил и Сахалина съезжаются сюда больные. Какие только недуги не исцеляют паратунские воды и грязи!

Прав камчатский крестьянин Тит Феофанович Дорофеев: теплая, приветливая к человеку земля, согретая извечным пламенем недр, преображаемая трудом народа.

Автомобильная дорога в горах Сихотэ-Алиня.

Подвесная дорога на оловянном руднике в Кавалерове.

Парники колхоза «Красная звезда» на Камчатке.

ДАЛЬНИЙ
ВОСТОК

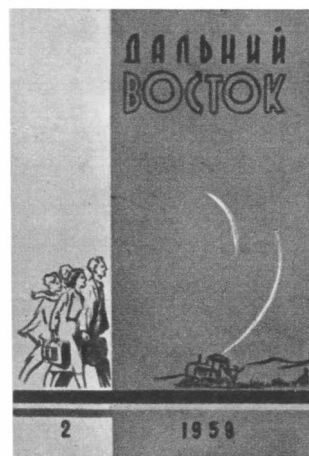
1 1959

Долго-долго Дальний Восток был тем местом, «куда Макары телят не гонял», потому что царизм самого Макара гнал туда на каторгу или на вечное поселение. Но Макары вопреки ожиданиям и расчетам своих палачей, перенесли все испытания, сохранили веру в человека, чувство дружбы, чувство локтя. Эта революционная тра-

Говоря о Дальнем Востоке, нельзя умолчать о его литераторах. Здесь люди охотно раскрывают свое сердце, протягивают руку друзьям. Так Фадеев, первый редактор журнала «Дальний Восток», протянул руку десяткам писателей дальневосточников. Так писатели второго поколения — П. Комаров, А. Пришвин, Н. Задорнов, Ю. Шестакова, С. Бытовой, Н. Роголь — протянули руку помощи писателям третьего поколения — В. Агаеву, Р. Агашеву, Н. Шундику, И. Машукову, Г. Халилецкому, Дж. Кимоню, Н. Максимова, О. Щербановскому, Ст. Смолякову, С. Тельканову, В. Александровскому, Гр. Ходжеру, Р. Казановой.

Литературный журнал — лицо своего времени и края. Статья моя мало напоминает рецензию на журнал «Дальний Восток». Это размышления, связанные с ним. Я не ставлю своей целью кого-то хвалить, кого-то ругать. Мне просто хочется показать условия, в которых находятся литераторы края, и задать вопрос, в какой степени сейчас, хотя бы в этом году, писатели понимают свои задачи перед настоящим и будущим. Я люблю Дальний Восток и связан дружескими узами с многими его литераторами. Но именно эти чувства не позволяют мне крикнуть душой. Мне кажется, что только раздел очерка в

Говоря о Дальнем Востоке, нельзя не сказать о том, что поэты и прозаики находятся

Говоря о журнале «Дальний Восток», я был кое в чем резковат, оценивая работу своих дальневосточных коллег. Но думаю, что в литературе вежливость всегда уступала место искренности, без этого невозможны плодотворные разговоры, невозможен рост, какого мне хочется пожелать и журналу — хорошему журналу! — и товарищам писателям Дальнего Востока.

ТЫСЯЧИ СТУДЕНТОВ

— Мы заботимся о том, чтобы обеспечить Дальний Восток научными кадрами высокой квалификации, — сказал профессор А. И. Шлыгин на митинге трудящихся Владивостока во время пребывания в Приморье Никиты Сергеевича Хрущева.

Недавно А. И. Шлыгин приехал во Владивосток из Москвы и возглавил кафедру на самом молодом — химическом — факультете Дальневосточного университета. Владивосток недавно называют студен-

Профессор химии А. И. Шлыгин в своей лаборатории в Дальневосточном университете. Слева старший лаборант В. А. Шефер. Справа ассистент Т. А. Юдакова.

Страница объявлений в газете «Тихоокеанская звезда».

Много высших учебных заведений не только во Владивостоке. Как свидетельствует целая страница объявлений в газете «Тихоокеанская звезда», дальневосточники и сибиряки могут получить высшее образование в институтах Хабаровска, Уссурийска, Благовещенска.

С. МЕСЯЦЕВ

По грузообороту и техническому оснащению Находка в одном ряду с Ленинградом, Одессой, Ригой. Тут встречаются почти все флаги мира.

Но особенно много в порту советских судов, курсирующих между Приморьем и Сахалином, Чукоткой, Камчаткой и Охотским побережьем. Днем и ночью идут погрузочные работы.

НАХОДКА — *слабный город...*

К. И. БАРСУКОВ, первый секретарь Находкинского горкома КПСС

Фото О. Кнорринга.

С историей нашего города легко познакомиться любому приезжему. Неподдалеку от вокзала, у небольшой площади, которую мы в просторечии зовем «Пятачком», в начале самой красивой и нарядной у нас Московской улицы, стоят два чугунных якоря.

На одном из них надпись: **«1859 29 июня 1959. Сто лет со дня открытия бухты Находка».**

А на другом выписка из постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1950 года: **«Преобразовать рабочий поселок Находка Приморского края в город краевого подчинения».**

Если бы в наше время городам давали гербы, эти якоря могли бы стать гербом Находки — большого торгового порта, который называют воротами в Тихий океан.

Начните прогулку по Находке от «Пятачка» — и вы сразу заметите, что больших зданий здесь нет, самые высокие в три, от силы в четыре этажа. А по обилию зелени Московская, Владивостокская и соседние улицы могут поспорить с многими дачными местностями. За домами поднимаются лесистые сопки. На склонах их вы заметите и огороженные фруктовые сады.

Но, пожалуй, иной приезжий спросит не без удивления:

— Как, и это все? Маленький же городок...

Не делайте таких поспешных выводов. Соседние с «Пятачком» кварталы — всего лишь часть города — поселок моряков. Сядьте в автобус, и строящееся шоссе, обогнув сопку, выведет вас к жилому массиву судоремонтников. Затем покажется поселок рыбаков. Поезжайте от «Пятачка» в противоположную сторону — и вы увидите на горных склонах припортовые кварталы, а над ними на широкой и ровной площади растущие ввысь этажи зданий: это строится административный центр города. К нему со временем приклет новый район в соседней долине. Дальше по берегу бухты — поселок строителей.

В Находке никогда не будет скученности, тесноты. Всегда горожане смогут дышать чистым воздухом, любоваться синью моря, зеленью сопки. И всегда они будут помнить о тех, чьим трудом создавались эти удобства, эта красота. О тех, кто взрывал каменные громады, обрушивал их в море, раскорчевывал таежные вырубki, осушал болота, — о строителях-пионерах Находки!

Вот снимок, сделанный на борту японского теплохода «Синё Мару». Рядом с капитаном советский лоцман П. Е. Смирнов. Он всегда встречает иностранные суда и подводит их к причалам. Капитан Игари Тамамаси впервые в Советском Союзе. Увидев множество кранов, он заметил: — Ого, да это первоклассный порт!

РАЗВЕДЧИКИ НЕДР В ПОХОДЕ

В. А. ЯРМОЛЮК,

начальник Дальневосточного геологического управления

— Расскажите, пожалуйста, о том, когда и как началось изучение богатств Дальнего Востока.

— Дальний Восток привлек к себе внимание прежде всего своими возможностями для развития горного промысла. Произошло это в середине девятнадцатого века. Именно тогда горный инженер Н. Аносов, исследуя реки Амурского бассейна, нашел здесь золото. Так в глухом таежном крае началась «золотая лихорадка». До Октябрьской революции было добыто несколько тысяч пудов золота. Ничем другим промышленники не интересовались, царское правительство и местные власти даже не помышляли о сколько-нибудь широком изучении недр. К решению этой задачи приступили только в наше, советское время. Плановые геологические исследования начались в годы первой пятилетки. И сразу же перечень сокровищ Дальнего Востока начал быстро возрастать: Буреинский каменноугольный бассейн, умальтинский молибден, кимканская железная руда, затем известняки, доломиты, магнезиты, мраморы, марганец... Продолжать этот список, пожалуй, не стоит: утомится читатель. Одним словом, обнаруживались все новые «клады», все более полной становилась геологическая карта — карта, сулящая еще очень много ценных находок.

— Вы имеете в виду вот эту очень пеструю карту, висящую на стене?

— Да. И ее пестрота очень радует нас, ибо свидетельствует об исключительной сложности геологического строения. А чем сложнее геологическое строение, тем больше полезных ископаемых в районе. Эта карта, составленная год назад коллективом дальневосточных геологов под редакцией доктора геолого-минералогических наук Л. И. Красного, позволяет более уверенно ставить прогнозы, где наиболее вероятно залегание тех или иных полезных ископаемых.

За непродолжительное время наши геологи нашли в недрах Хабаровского края железо, марганец, каменные и бурые угли, редкие и цветные металлы, рассеянные элементы, нерудное металлургическое сырье, строительные материалы, минеральные краски, целебные источники. Заметьте при этом, что Хабаровский край геологически изучен еще сравнительно слабо, ряд районов пересечен редкой сетью геологических маршрутов. И, несмотря на это, в крае уже открыты месторождения, многочисленные, разнообразные, богатые!

— У вас на столе расположился целый музей минералов. Это находки ваших геологов?

— Вы не ошиблись. Вот железная руда. Она с Малого Хингана. Другой образец — марганцевая руда, из тех же мест. Хребет Малый Хинган — наиболее богатый рудный район. Кроме железных и марганцевых руд — их запасов хватит на многие десятки лет, — на Малом Хингане имеются крупнейшие в нашей стране месторождения известняков, магнезитов, доломитов, мрамора, графита. Здесь добывается олово и золото. Прибавьте к сказанному такое важное обстоятельство, как близость этого района к основным промышленным центрам и наличие в нем железных и шоссе-ных дорог. На юге района протекает полноводный Амур. Да и климат тут мягкий, что тоже играет существенную роль в экономическом развитии. Одним словом, это отличный клад в отличном месте!

— В вашей коллекции есть загадочные для неспециалиста образцы, например, этот, похожий по цвету и форме на капустный кочан. Интересно он чем-нибудь?

— Очень. Перед вами сера с далеких (они даже для нас далекие) Курильских островов. Курилы богаты высококачественными серными рудами, разработка которых позволит развить на Дальнем Востоке производство удобрений. Кроме того, сера необходима для бумажных комбинатов на Сахалине, и Малом Хингане.

Следующий образец коллекции — оловянный камень. Сейчас уже ведется строительство рудника и поселка на новом месторождении олова — Солнечном. Это одно из крупных в Советском Союзе месторождений, значительная часть его будет разрабатываться открытым способом. Здесь будет добываться самое дешевое в нашей стране олово. Месторождение Солнечное находится недалеко от города Юности — Комсомольска-на-Амуре. Кстати, о самом названии. Его дал первооткрыватель, молодой геолог Олег Кабанов. Он работал в том районе осенью, в дожди, туманы. А в день, когда нашел олово, выглянуло солнце. Так возникло название Солнечное. Заметьте, одно только Солнечное оправдывает все затраты на геологические работы, проведенные на Дальнем Востоке за все годы Советской власти!

— А как обстоят в настоящее время дела с золотом?

— Я уже упоминал, что наша золотая промышленность имеет вековую историю. Дальний Восток дал сотни тонн золота. Кончились ли запасы? Конечно, нет. Целый ряд приисков, возникших еще в минувшем веке, до сих пор дает металл. Вступают и будут вступать в строй новые прииски. Новых запасов хватит на десятки лет. Кроме того, мы занялись переоценкой старых месторождений и обнаружили, что при прежних способах добычи оставалась на месте в отвалах, в невыбранных целиках примерно четвертая часть золота. Значит, следует возродить старые золотосыльные районы. Один из них, Софийский, уже снова в строю; там введена в действие мощная электрическая драга. Задача семилетки — увеличить в крае добычу золота — будет выполнена.

— О чем еще рассказывает геологическая карта Дальнего Востока? Следует упомянуть о крупных месторождениях каменных и бурых углей. Залежи каменного угля в Буреинском бассейне, открытом в тридцатые годы В. З. Скорородом, могут стать энергетической базой Мало-Хинганского рудного района. Недавно разведаны бикинские и хабаровские бурые угли, залегающие на площади в несколько сотен квадратных километров. Нам известен еще по крайней мере десяток других отдельных выходов угленосных отложений. Мы считаем, что в Амуре-Сунгарийской низменности вполне вероятно залегание высококачественных консующихся каменных углей. Ряд обширных впадин-низменностей перспективен на нефть и газ. В крае уже известны залежи горючих сланцев. На Сахалине идет разведка консующихся углей. На будущий год намечено широкое исследование Курильских островов.

Как видите, объем наших работ достаточно велик. Мы ведем разведку на огромной площади — свыше миллиона квадратных километров. В текущем году в поле работало более 120 партий.

Одна из наших важнейших задач на период семилетки — создать для всего края так называемую двухсоттысячную геологическую карту. Это значит, что нужно пройти весь Дальний Восток геологическими маршрутами на расстоянии двух километров один от другого. При этом важно в первую очередь разведывать такие месторождения, которые находятся возле обжитых мест, где их можно сразу же передавать промышленности для эксплуатации. А искать мы будем буквально все — от строительных материалов (ведь в крае идет большое строительство) до редких металлов.

В этой большой работе у нас появились помощники — участники массовых геологических походов. В августе, сентябре и октябре нынешнего года в таких походах только по Хабаровскому краю приняли участие десятки тысяч человек. Доставленные ими образцы различных минералов сейчас изучаются.

Впереди еще не одно лето. не один поход, и, конечно, у наших помощников будут большие удачи!

А это снято в рыбном порту Находки. У берега рефрижераторное судно с полными трюмами. Рядом на причалах вагоны рефрижераторного поезда. Они доставят свежую рыбу и в Москву, и в Новосибирск, и в Ташкент. Множество рыболовных судов уходит из Находки на промысел и в Японское море, и в Охотское, и в экваториальные воды Тихого океана.

ТИЕ АТИР ИВ ИЕ ДИ ЕТ ИР А Э ИГ О ИВ О ИР О ИЖ ИИ Э ИИ ИИ

Ф. ЧЕРНОВА, редактор
Приморского краевого издательства

Фото Л. Беллеха.

По Москве развешаны афиши: «На сцене МХАТ... «Фальшивая монета»... Владивостокский театр». Какое неожиданное и ко многому обязывающее сочетание! На сцене прославленного московского театра, носящего имя Горького,

лезнова», «Зыковы», «Егор Булычов»... Все, что написал для сцены А. М. Горький, стало достоянием владивостокского зрителя. Не удивительно, что и для гастролей в Москве театр выбрал Горького.

Сцена из спектакля «Барабанщица».

идет забытая пьеса Горького, и показывает ее впервые гастрوليрующий в столице малоизвестный театральной общественности дальневосточный театр. Подобное начало говорило о беспорной творческой смелости и уверенности в своих силах приезжих актеров и принесло им признание взыскательных москвичей. Молодой Владивостокский театр сорвал с пьесы Горького ярлык нескеничности, вписав первые страницы в ее сценическую историю, и сразу заявил о себе как о серьезном, талантливом коллективе, много работающем над своим репертуаром.

Это было в 1955 году. Гастролями в Москве театр как бы подытоживал свой путь за четверть века.

Созданный в начале тридцатых годов, Владивостокский театр имени М. Горького показывал своему зрителю пьесы Горького и Чехова, Шекспира и Шиллера, Толстого и Островского, Погодина, Корнейчука, Леонова, Лавренева — лучшее из того, чем богата отечественная и мировая драматургия. Но прежде всего Горький!

По несколько сезонов шли спектакли «На дне», «Васса Же-

С благоговением вступили актеры под священную сень мхатовской чайки. Притихшие, днем рассматривали экспонаты музея МХАТа, по-ученически внимательно выслушивали советы мастеров столичной сцены, а по вечерам с честью держали ответственный экзамен перед переполнившим зал московским зрителем.

Владивостокцы привезли в Москву и другую забытую классическую пьесу, «Расточитель» Н. Лескова, и три пьесы, созданные в стенах театра в содружестве с молодыми авторами: «Сергей Лазо», «Хрустальный ключ» Е. Бондаревой и «Разные люди» В. Железнякова.

Как ни важен был успех «Фальшивой монеты», лицо театра определяла постановка этих пьес. Хорошее чувство современности, умение утвердить положительный идеал, оптимистическое начало, лежащее в основе каждого спектакля (в том числе горьковского), получили здесь яркое, сильное сценическое выражение.

Рассказывая о буднях наших современников, театр как бы говорит зрителю: «Вот простые советские люди, такие же, как ты сам и твои товарищи; я покажу их жизнь, раскрою их сердца и ду-

На водоемах Даубихинского совхоза.

Фото П. Баранова.

«СПАСИБО!» — ГОВОРЯТ НАМ

Давно ли было так, что попробовать мяса домашней утки у нас, на Дальнем Востоке, удавалось далеко не каждому: не разводили ее, и купить было негде. Ныне положение другое. На прилавках продовольственных магазинов городов Приморья утка — обычный продукт. И это приятно сознавать и нам, коллективу Даубихинского совхоза, который обязался в первом году семилетки вырастить один миллион уток.

Наш совхоз — рисосеющий, расположен он в долине реки Даубихи, о которой рассказано замечательным нашим путешественником и писателем В. К. Арсеньевым в книгах «В дебрях Уссурийского края» и «Дерсу Узала». Места здесь привольные, богатые, много озер. А если прибавить к этому заливные рисовые поля, которых у нас несколько тысяч гектаров, то можно представить, какое у нас бескрайнее водное царство. Но долгие годы эта «голубая целина» оставалась неосвоенной.

«А что, если на заливных полях и озерах домашних уток разводить? — как-то подумали мы. — Сколько дешевого мяса и яиц можно получить!»

Весной 1956 года завезли мы к себе первых 700 утят и начали формирование маточного стада. Опыта, конечно, не было никакого. Люди были еще не подготовлены, помещения не построены. Нелегко нам пришлось на первых порах. Были и ошибки и промахи (они и сейчас еще есть). Но люди наши как-то сразу полюбили новое дело, почувствовали к нему интерес. Горящими сторонниками разведения уток стали молодые зоотехники супруги Строчковны. На ферму пришли девушки-комсомолки Ольга Шендлер и Екатерина Хабибулина, пожилые работницы Елена Пищугина и Евдония Харина. Организовали курсы для подготовки птичников. Застучали топоры, началось строительство инкубаторного цеха, легких навесов на берегах водоемов.

И вот уже в 1957 году мы сдали государству 12 тысяч уток, а еще через год — уже 100 тысяч голов птицы.

А когда осенью прошлого года по всей стране шло горячее обсуждение контрольных цифр семилетки, наш коллектив единодушно решил вырастить для горожан Приморья в нынешнем году один миллион уток. Миллион — это очень много для одного хозяйства. За короткий срок мы своими силами построили 27 птичников ангарного типа, акклиматизатор, инкубаторий на 16 инкубаторов. Наступление на «голубую целину» развернулось.

Первая партия уток поступила на мясокомбинат в мае. Счет своему утиному миллиону мы открыли! А в октябре мы сдадим более 650 тысяч уток для продажи.

Наша птицеферма является одновременно и племенным хозяйством — поставщиком утиных яиц для колхозов и совхозов края. Теперь в Приморье нет района, где бы не было утиных ферм, где бы пустовали бесчисленные водоемы и озера.

К. ГОРЯИНОВ,
директор Даубихинского совхоза.

мы; это поможет тебе лучше понять самого себя и те силы, которых ты, возможно, в себе и не подозреваешь...»

Вот этим умением вести со зрителем задушевный разговор о жизни: о сложном и трудном в ней, о радостном и вдохновенном, об уроках прошлого, о величии сегодняшнего и о задачах будущего — и славен Владивостокский театр, к этому направлен пафос его творческих усилий.

«Кремлевские куранты» стали близки и дороги сердцу зрителя. Исполнитель роли Ленина (заслуженный деятель искусств РСФСР А. Добротин, он же режиссер спектакля) сумел передать обязательную ленинскую простоту, щедрую жизнерадостность, вдумчивую приглядку к человеку.

Глубоко волнует судьба инженера Забелина в исполнении заслуженного артиста республики А. Побегалова. Зритель уходит со спектакля с думой о том, что так и сегодня в борьбе за мир — лучшие примыкают к нам...

Да, актеры театра умеют доне-

сти до зрителя свои думы, свои мысли, свои взгляды! Поэтому любят и знают их владивостокцы. С уважением повсюду встречает зритель старейших работников этого театра, его создателей: народных артистов республики

Сцена из спектакля «Чайки над морем».

Недавно колхозники Амурской области были в гостях у крестьян округа Хэйхэ, провинции Хэйлунцзян. С ответным визитом в Амурскую область приехали из Хэйхэ сотрудники Научно-исследовательского института сельского хозяйства товарищи Ин Дянь-чжун и Ван Дэ-пу. На снимке: главный агроном Амурского областного управления сельского хозяйства И. Н. Воронцов показывает гостям гибридную кукурузу.

Фото Д. Ухтомского.

РЕКА ДРУЖБЫ

В телефонной трубке прозвучал незнакомый голос:

— Я получила письмо из Китая, помогите, пожалуйста, перевести.

Такие просьбы раздавались все чаще и чаще. Наши переводчики едва успевали выполнять многочисленные заявки хабаровцев. И тогда возникла мысль создать кружки по изучению китайского языка. Занятия начались в краевой библиотеке, в пединституте и в управлении Амурского пароходства.

Теперь переписка трудящихся Хабаровска с друзьями из Хэйлунцзянской провинции Китая стала еще оживленнее. За короткий срок из Китая в Хабаровск пришло около 1500 писем.

В нашем крае вы почувствуете эти связи всюду. У нас, кроме краевого, есть еще восемь отделений Общества советско-китайской дружбы: на заводе «Энергомаш», в двух институтах, в Гаровском совхозе, в колхозе имени Кантонской коммуны, на заводе «Амурсталь», в городе Комсомольске-на-Амуре.

Мы обмениваемся альбомами, фотопортретами, делегациями, книгами. Жители края с интересом слушают радиопередачи «У наших соседей — трудящихся Хэйлунцзянской провинции». Около тысячи хабаровцев побывало в Китае по туристским путевкам и в составе различных делегаций. Все теснее становятся и экономические связи. Наши предприятия регулярно выполняют заказы народного Китая.

В прошлом году был заключен договор о совместном судоходстве по пограничным и смежным с ними рекам и по озеру Ханна. Советские и китайские пароходы регулярно доставляют грузы в обоих направлениях.

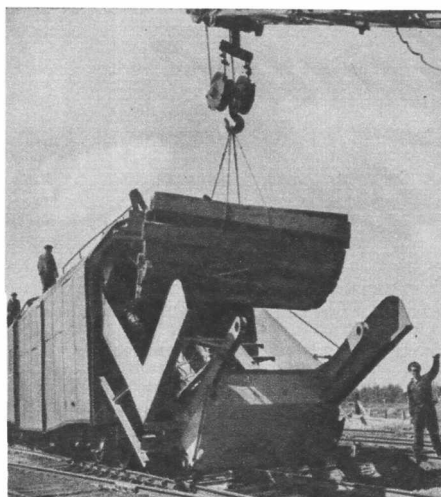
Хабаровский край заключает торговые соглашения с нашими друзьями из провинции Хэйлунцзян. Подписанный в минувшем году договор о взаимных поставках товаров между «Крайрыболов-потребсоюзом» и китайской торговой компанией успешно выполнен. На 1959 год заключено новое соглашение о расширении торговых связей.

Хочется рассказать еще о таком любопытном факте: крестьяне Цзямусского уезда подарили команде советского торгового судна, привозившего туда грузы, шесть початков кукурузы «Золотая пагода», очень распространенной в Хэйлунцзянской провинции. Речники передали полученный ими дар колхозникам артели «33-я годовщина Октября», Биробиджанского района. Этот сорт китайской кукурузы быстро распространяется в нашем крае и дает отличные урожаи.

Связи с нашими китайскими соседями становятся все более тесными, все более сердечными.

А. БОКОВЕНКО,
председатель Хабаровского отделения Общества советско-китайской дружбы.

Комбайн укладывает рельсы

Звеносборочный комбайн за работой.

На этом снимке показан новый путеукладчик, сконструированный в Хабаровске, в Институте инженеров железнодорожного транспорта. Чтобы представить себе сложность работ на сборке и укладке рельсовых звеньев, достаточно сказать, что один километр пути требует переработки 250—300 тонн материала. До сих пор этот трудоемкий процесс был механизирован не более чем на 8—12 процентов.

Научные работники хабаровского института во главе с главным конструктором А. А. Бородиным и доцентом В. И. Дмитренко создали звеносборочный комбайн, который состоит из восьми агрегатов, смонтированных на четырех платформах. Комбайн обслуживается восемнадцатью рабочими.

Сборка железнодорожного пути, состоящая из нескольких сложных процессов, ведется безостановочно.

Звеносборочный комбайн показал отличные результаты на испытаниях.

В. ШПАК,
корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда»

Хабаровск.

Шлюпка без весел

Красногорские судоремонтные мастерские Сахалинского пароходства строят спасательные шлюпки для всех морских судов Дальневосточного бассейна.

Ныне коллектив мастерских строит не совсем обычные шлюпки. Они не имеют весел. Вместо них устанавливаются механические приводы.

Для того, чтобы приступить к серийному выпуску новой продукции, пришлось проделать большую подготовительную работу. Сейчас в цехе построен бассейн, в котором шлюпки испытываются на водоточность и прочность. Испытания могут производиться круглый год, независимо от состояния реки.

Претворяя в жизнь решения июньского Пленума ЦК КПСС, коллектив шлюпочного цеха решил перейти на прогрессивный метод строительства шлюпок — на клееную конструкцию. Это намного сократит расход дорогостоящей древесины, которую заво-зят с материка.

К. ГРЫШУК,
сотрудник газеты «Советский Сахалин».

Ходовые испытания шлюпки без весел. Скорость достигает пяти узлов. Внутренний вид шлюпки без весел.

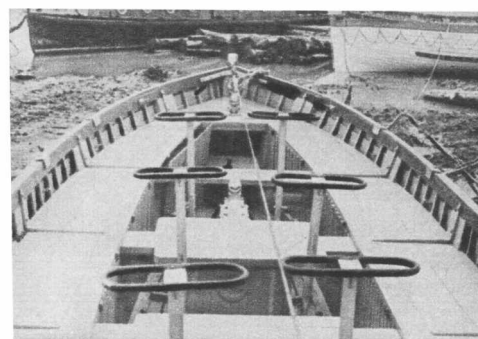

Фото В. Дубровина.

Г. И. Антошенкова и Н. С. Колесникова, заслуженные артистки П. Г. Попова, А. А. Присяжнюка, Н. В. Моршакова, артистку Е. А. Соловьеву.

Позднее влились в коллектив заслуженный артист В. Козелл, А. Побегалов, К. Ламочкина, Ю. Матвеева, И. Макаревич,

И. Бодэк, Е. Шальников, Н. Шитова — все эти имена также хорошо знакомы на всем Приморье.

Ведь ежегодные гастроли в районах края — тоже одна из славных традиций театра. Только нынешним летом артисты побывали у портковиков и строителей Находки, шахтеров Сучана, колхозников Кировского, Черниговского, Спасского районов, горняков Тетюхе и Кавалерова, строителей пади Ободной. И всюду актерам открывалась прекрасная приморская новь...

Увидели они новые жилые здания, великолепные дома и дворцы культуры... Но главное — люди, сами приморцы: перед актерами были их герои...

Да, чтобы говорить с таким зрителем, познать его, рассказывать о нем, надо хорошо, глубоко изучать и его и жизнь.

Сейчас коллектив Театра имени Горького, открывая новый сезон, трудится особенно упорно и вдохновенно: 1960 год — год столетия Владивостока — должен быть отмечен достойными спектаклями.

Владивосток.

Концерт на Дальзаводе. Заслуженные артисты РСФСР В. Козелл и А. Присяжнюк готовятся к выступлению.

Сильнейшие в мире

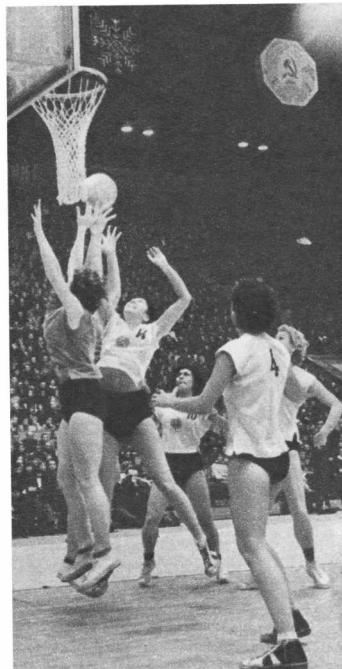
Фото А. БОЧИНИНА.

В минувшее воскресенье в Москве закончился розыгрыш первенства мира по баскетболу среди женских команд. В нем приняли участие 8 сильнейших коллективов, в том числе болгарские спортсменки — чемпионы Европы.

Девять дней шла напряженная борьба между командами, которые в основном были равны по классу. Все же к концу чемпионата выяснилось, что без поражения прошли только два коллектива: СССР и Болгарии.

Матч между ними, который состоялся 18 октября во Дворце спорта, должен был окончательно решить вопрос о чемпионке мира. Красивая, полная острых моментов игра закончилась победой советских спортсменок. Счет 51:38 говорит о борьбе, в которую обе команды вложили мастерство и спортивную страсть. Особенно понравились зрителям шестнадцатилетняя советская спортсменка С. Смирдзиня и центр нападения болгарской команды В. Войнова. Они не раз награждались шумными аплодисментами зрителей.

Таким образом, золотые медали и звание чемпионки мира завоевала сборная команда Советского Союза.

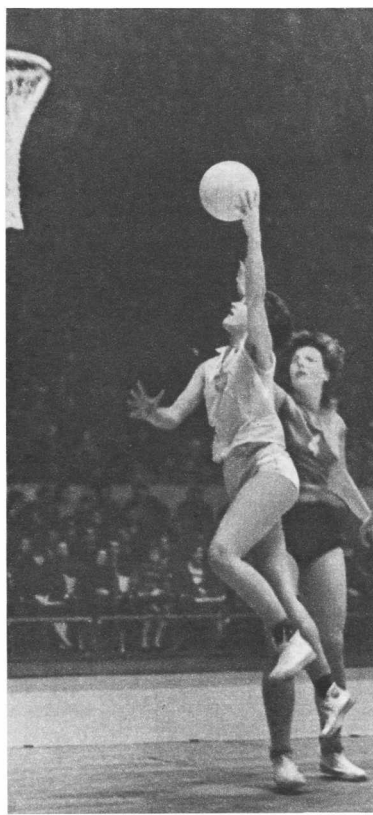

Болгарки атакуют.

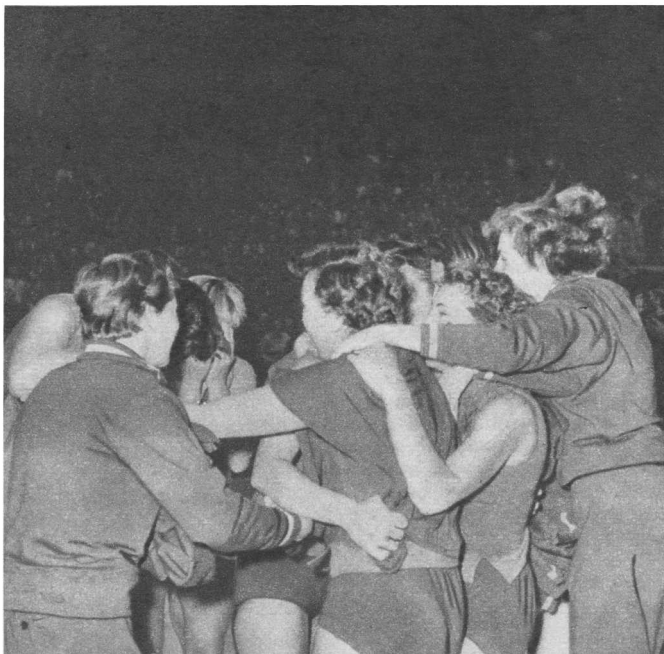
Женская баскетбольная команда СССР — чемпион мира. С кубком в руках — капитан команды Нина Максимильянова.

Неприятно проигрывать... Кореянки после матча с венгерскими баскетболистками.

Момент матча между командами СССР — Польша.

Победа!

ПЕРЕД ФИНИШЕМ

Загреб остался позади. Все внимание сосредоточено на последнем, белградском круге. Известно, что после того, как П. Керес в 16-м туре «споткнулся» на Б. Фишере, его догнал, а потом и перегнал стремительный Михаил Таль. Он поменялся с Кересом местами. Остальные значительно отстали.

Миша Таль после чудесного «спасения» в партии с экс-чемпионом мира В. Смысловым (в 15-м туре) развил исключительную энергию. Он выигрывал партию за партией. Победы его всегда отличаются оригинальностью и непременно сопровождаются жертвами.

Особенно трудно приходится иностранным участникам турнира. Они никак не могут понять стиля Таля. Не помогает даже специальная дебютная подготовка. Миша умеет навязать свою волю, и борьба принимает нужную ему характер.

Из двенадцати партий с иностранными шахматистами в первых трех кругах Таль выиграл 11, а одну закончил вничью. Как самому пронесся он по рядам иностранных гроссмейстеров. Лидер соревнования проиграл всего три партии: две — П. Кересу и одну — В. Смыслову.

К сожалению, немного поздно обрел свою боевую спортивную форму экс-чемпион мира В. Смыслов. Между ним, Т. Петросьяном и С. Глигоричем сейчас идет борьба за третье место. Конечно, Б. Фишер оказался нерасчетливым и очутился на шестом месте.

Из газетных сообщений известен ход турнира. Я должен сказать, что загребский период был важнейшим, может быть, самым ответственным, этапом шахматного «марафона». События, последовавшие после третьего круга, непосредственно связаны с ним и прямо являются следствием той спортивной ситуации, которая сложилась в Загребе. Если до начала матч-турнира пресса чаще всего склонялась имени В. Смыслова, Т. Петросьяна, П. Кереса, то после Загреба со страниц газет не сходит имя Михаила Таля. Уже делаются прогнозы о матче М. Ботвинника — М. Таля.

И когда 17 октября в Большом зале Дома профсоюзов в Белграде начался четвертый, последний и решающий круг соревнования, появление М. Таля на сцене было встречено громом аплодисментов. Первый и второй туры четвертого круга, в которых встретились Таль со Смысловым и Глигоричем, закончились победой Таля. К тому же его конкурент П. Керес в это время проиграл Смыслову.

«Счастливец Таль» — такой заголовок дала газета «Борба». В содержании статьи много объективного. Счастье сопутствует смелому. Шахматная богиня Каисса — эта весьма ревнивая дама — благосклонна к талантливому комсомольцу, полному творческого горения и дерзания.

Стоит воспроизвести мнение гроссмейстера И. Бондаревского. «Таль — новое большое имя в шахматном искусстве. Его стиль обогащает шахматы и поднимает их на более высокую ступень. Те, кто скептически относятся к силе Таля, являются представителями старой школы, которая сейчас рушится. Появление Таля можно только приветствовать».

Остается добавить к этим высказываниям одно: если бы в матч-турнире претендентов на первенство мира не было бы Таля, то, возможно, не было бы и того большого творческого и спортивного напряжения, какой мы переживали в течение всего соревнования.

Не случайно участники, ранее сыгравшие свои партии, а среди них Б. Фишер, Т. Петросян и даже В. Смыслов, подолгу останавливаются у столика, за которым сидит Таль, и диву даются; как это у него получается, что на шахматной доске, словно живые фигуры, ходят кони, пешки, ладьи, ферзи и вот-вот заговорят. Зрителю же прямо слышится, как жалуются короли партнеров Таля: молим о пощаде!

В. РАГОЗИН

Белград, 20 октября.

Щедры глубин

Вл. КРУПИН

Тяжелая голубая волна лениво лизнула берег и нехотя попятилась, оставляя на сером песке беспорядочную пестроту пятен — белых, бурых, багряных.

Дары моря!..

Человек не проходил мимо подарков стихии. С давних пор он оценил замечательные лекарственные и питательные свойства водорослей. Историки утверждают, что еще много веков назад в Китае был издан закон, строго-настрого обязывающий каждого жителя ежедневно есть морскую капусту.

Порошок морской капусты и сегодня в ходу у медиков. Он помогает при артериосклерозе и гипертонии, кишечных и желудочных болезнях.

Но она не только лечит, но еще и кормит.

...Я иду вдоль Анивского залива. Впереди на свинцово-серой глади воды мерно покачивается рыбацкая лодка. На ее носу стоит человек, кажется, с треногой в руке. Всмотриваюсь. Движения ловца плавны и неторопливы. Вот он погрузил свое орудие в воду. Несколько энергичных движений, рывок — и добыча в лодке. Но это как будто не рыба. Подхожу ближе.

— Эй, на лодке! Как успехи?

Плоскодонка мягко врывается в песок. Хозяин ее прыгает на берег, опираясь на свой шест, на конце которого вовсе не железные зубья, а четыре гибких прутика, увитых остатками морской растительности. Лодка полна.

— Вот, сенца запасаю корове. Спасибо морю: дает — берем. Даровой силос. Не хуже кукурузного. А вот это на салат пойдет. Попробуйте! Капуста.

Сочный, присоленный морем, но чуть сладковатый, пахнущий свежестью и слегка йодом, лист приятно хрустит на зубах. Пожалуй, вкусно. И не только на любителя.

Дня через три рассказываю о полученном впечатлении М. И. Дроздову, заместителю начальника Главдальвостока рыбпрома.

— Да конечно же, вкусно! А главное, полезно. Дроздов возбужденно поднялся из-за стола и стал откуда-то вынимать консервные банки. — Вот вам достижения местной науки и промышленности — образцы новых консервов. Морская капуста с овощами. Голубцы из морской капусты. Трепанги. Фарш из мидий. Тунец в масле. А разве мы все берем от моря? Одну тысячную долю того, что само дается в руки! Что у нас всегда требует Министерство торговли? «Дайте больше крабов!» Даем больше. Но почему только на крабы спрос? Деликатес, говорите? А мидии разве не деликатес? Выпустили мы тут партию, отправляем немножко в Москву. Почему немножко? Торгующие организации не хотят брать, говорят: кто будет есть ваших моллюсков, хотя они, мол, и с ри-

сом? На консервы из морской капусты тоже мало заказов. Мы понимаем: новый товар — новые хлопоты. Нужна толковая реклама — никто не станет покупать вещь, не зная, что она из себя представляет. Но мы ведь не ката в мешке предлагаем, а отличнейшие продукты.

Через месяц после этого разговора, уже в Москве, я зашел в рыбный магазин на улице Горького. На витрине, где, кстати сказать, добрая половина товаров помечена маркой Приморского, Сахалинского и Камчатского совнархозов, уже стояли банки морской капусты, тунца, мидий. Продащица штучного отдела Анна Ивановна Гаврилина рассказала:

— Кое к чему покупатель сначала отнесся с предубеждением, а теперь просят трепангов, но их уже нет. Сразу распробовали сайру. Появится новая партия — тотчас очередь у прилавка. Тунец пока есть. Наверное, еще многие не подозревают, какая это замечательная вещь — по вкусу настоящая курица, только мясо нежнее. О новых товарах надо обязательно рассказывать покупателям.

Беседовал я по этому поводу и с учеными Дальнего Востока. Кирилл Иванович Панин, директор ТИНРО — Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, — подвел меня к карте.

— Вот это все, — карандаш в его руке ткнулся по очереди в синие строчки букв на карте: Японское, Охотское, Берингово море, Тихий океан, — целина! Подводная целина — луга, леса, степи. Многое не изведано, многое не изучено, одно неоспоримо: богатства здесь неимоверные. Морскую капусту знаете? Вот вам голые факты и цифры. На тонну сухих водорослей приходится почти два центнера солей калия, по десять килограммов фосфора и азота. Концентрированное комплексное удобрение с примесью микроэлементов. Опыты в наших дальневосточных условиях показали, что ламинария поднимает урожай сои в два раза, картофеля — в три.

Научный сотрудник ТИНРО М. Г. Шадрин провел любопытный эксперимент в звероводческом совхозе. Оказалось, что добавка морской капусты в пищу животных улучшает качество меха. У овец быстрее растет шерсть, у коров повышаются удои.

Владивостокский ученый, доктор технических наук И. В. Кизеветтер, подсчитал ресурсы некоторых промысловых растений. Оказалось, что заросли одной ламинарии занимают в дальневосточных морях 90 тысяч гектаров. Этот подводный «огород» может каждый год давать обильный урожай — до полутора миллионов тонн одной морской капусты.

Все больше ценных веществ открывают в водорослях ученые. Все чаще обращаются к этому сырью технологи. Из него можно извлечь уксусную кислоту, студнеобразователи, спирты. Альгинат делает цемент водонепроницаемым, им же клеят фанеру. Альгиновые нити, наложенные хирургом, ускоряют заживление ран и рассасываются в теле, не оставляя шрамов. Водорослевая мука заменяет крахмал в текстильной промышленности. Рыба может храниться в альгинатном желе месяцами. Фармацевтика, сельское хозяйство, бактериология, дорожное строительство — всего и не перечтешь.

Член-корреспондент Академии наук СССР Герман Августович Хельквист живет и работает на Сахалине. Хельквист — геолог, ищет на острове нефть и газ, но и он рассказал мне самые неожиданные вещи о водорослях.

Бурится нефтяная скважина. Бур ушел глубоко в землю. Тяжелый глинистый раствор бесперебойно подается в забой. Но скорость продвижения вглубь неуклонно падает. Твердая порода? Буровики поднимают «свечу» труб, бур

плотно обмотан пластинами глины, осевшей из раствора. Как быть? На помощь приходят водоросли. Некоторая добавка в раствор, и он стабилизируется. Помеха устранена, бурение продолжается.

— Жить у моря и не знать его, не думать о его судьбах нельзя, — размышляет Герман Августович. — Океан, несомненно, богат и щедр. И все же мне кажется, что мы должны не только принимать дары его, но и отдавать ему все, на что способен человеческий разум. Отдавать, чтобы иметь возможность больше взять. Возьмите агар-аг — анфельтию. Обратимся к цифрам потребления агар-агара за последние годы. Они растут так стремительно, что, пожалуй, не за горами то время, когда заросли анфельтии начнут оскудевать. Перед учеными, стало быть, встает новая проблема — научиться разводить анфельтию, ускорить ее рост и размножить подводные плантации.

Да, агар-агар все увереннее вторгается в наше бытие, хотя мы подчас и не догадываемся об этом. Едва ли не каждый день мы сталкиваемся с ним за обеденным и письменным столом, в цехе и лаборатории, промтоварном магазине и булочной.

...Море вздыхает. И с каждым его вздохом по дну движутся подгоняемые течением фиолетово-красные кустики водорослей — ни дать ни взять, морское перекати-поле. Только не разбегаются они в разные стороны, как их земные собратья, а сбиваются в комки, переплетаются в пышные дерновины и огромные валы. Сетчатая драга подхватывает вал. И вот он уже сохнет на берегу, словно клубок бурой шерсти.

Сухая анфельтия попадает на агаровый завод. Ее моют и варят в воде и щелочи, в автоклавах и чанах, пока бурые веточки не превратятся в коричневый студень, белую пену и, наконец, в тонкую хрустящую пленку — агар-агар.

«Агар» в переводе означает «желе». Свойство образовывать желе — одно из самых ценных свойств агар-агара. Кусочек его весом в 4—5 граммов способен в несколько минут «выпить» целый стакан воды, разбухнуть и заполнить всю посуду прозрачной студенистой массой. Мармелад, желе, многие конфеты, брызны делаются с помощью агара. Бумага он придает плотность и глянец, ткани делает плотнее и мягче. Кишка из агар-агара для колбасы мало чем отличается от обычной. Наконец, хлебу он помогает дольше сохранять свежесть.

Агар — это ценнейший дар дальневосточных морей. Но далеко не единственный.

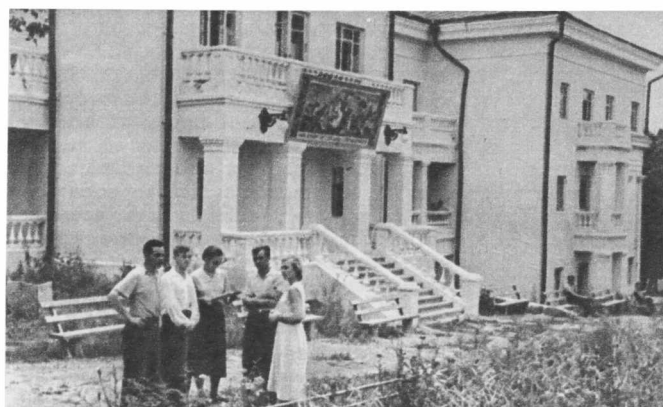
Музей ТИНРО до отказа забит удивительными экспонатами. На стене — двухметровый меч. Этим оружием рыба-меч, врезавшись с ходу в шлюпку, пронзила оба ее борта. В стеклянных банках с формалином красные морские рачки. На шкафу — чучело рыбы, парусом подставившей ветру широкий спинной плавник, — рыба-парусник.

Все это пока что музейные экспонаты. Но там, за стеной музея, в технологической лаборатории ТИНРО, идет кропотливая, неустанная работа. Разделяются кальмары, укладываются в банки аппетитные куски меч-рыбы.

На стеллажах — консервы. Этикетки из простой белой бумаги. Названия отпечатаны на обычной канцелярской машинке.

Кто знает, может быть, совсем уже скоро на полках московских и уральских, ленинградских и киевских магазинов появятся новые разноцветные коробки с надписями: «морские огурцы», «кальмар фаршированный», «китовое мясо», «меч-рыба в масле», «тунец в томате». И вполне вероятно, что они будут исчезать с витрин так же быстро, как ныне это происходит с кетовой икрой, сайрой, трепангом и другими чудесными дарами моря.

Курорты в тайге

В санатории «Амурский залив».

Фото Л. Беляева.

Немногим более десятка километров отделяют курортную зону Владивостока от города, а воздух здесь всегда на два — три градуса теплее. Отроги Сихотэ-Алиня защищают побережье Амурского залива от туманов, наплывающих с моря. Буйно зеленеют нанадские тополи, клены, маньчжурский орех, амурская сирень в долине реки Лянчиче, оттеняя светлые корпуса бальнеологического курорта «Сад-город». Сюда съезжаются хлеборобы, шахтеры, инженеры, лесорубы, учителя, рыбаки не только с Курильских островов, с Камчатки, Дальнего Востока, но и с Крайнего Севера, из Сибири — до пяти тысяч человек в год.

Вдоль побережья Амурского залива в чаще высокогорных парков созданы десятки климатических санаториев и домов отдыха.

В ближайшие годы санаторно-курортная зона Владивостока будет расширена. В новое строительство, реконструкцию и благоустройство будет вложено 600 миллионов рублей.

Доброй славой пользуются теплые воды «Вангоу», «Амгу» и «Сайон», холодные источники «Ласточка», «Раковские», «Сандагоу», «Нижние Луки». В красивой горной местности близ Усури расположен таежный курорт Шмаковка с минеральными водами типа «нарзан». Сейчас здесь возводятся первые здания нового санатория «Солнечная долина».

Н. НЕФЕДОВА,
корреспондент газеты «Красное знамя»

Самый дорогой мех

В шестидесяти километрах от Сахалина затерялся небольшой островок Монерон. Здесь лабораторией зоологии Сахалинского комплексного института Сибирского отделения Академии наук СССР в прошлом году были начаты опыты по изучению биологии калана — морской выдры, или, как его еще называют, камчатского бобра, — наиболее ценного пушного зверя земной фауны.

Пять зверей были пойманы в районе острова Уруп (Курильская гряда). После трехмесячного содержания в вольере три из них выпущены в прибрежные воды острова Монерон. Животные очень быстро привыкают к людям и, не обращая на них внимания, занимаются своими делами. Совершенно без страха сходит зверь с камней в воду, купается рядом с человеком. Питаются каланы морскими ежами, рыбой, крабами. Насытившись, они вылезают на камни, «наводят туалет», отдыхают.

Калан легко приручается. Это позволяет надеяться, что стадо редчайшего зверя будет расти и в неволе. Отлов каланов на Курилах и акклиматизация их в новых районах продолжаются.

В. ВОРОНОВ,
научный сотрудник Сахалинского
комплексного института Сибирского отделения
АН СССР

Солнечная ванна после обеда.

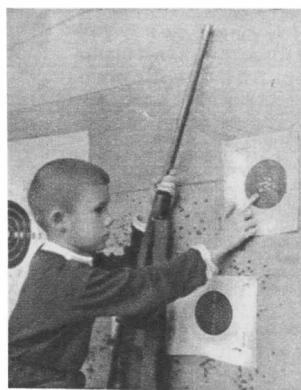
Фото автора.

БАСНИ

Сергей ФЕОКТИСТОВ

ТРУС

На перекрестке двух дорог
Оленя повстречал Сурок.
— С реки!
— С реки...
— А я с собранья...
Спектакль, достойный описанья!
Так навалились на Ежа:
«Прогнать! Не годен в сторожа!
Конечно, спит, конечно, пьет,
Конечно, сукин сын, крадет!»
В грязи беднягу утопили
И даже выговор влепили,
Хотя трезвей, честней, чем Еж,
На целом свете не найдешь.
Уж я-то знаю,
Я-то с ним
Живу под кустиком одним.

СЕРЕЖА СТУКОВ
НА ЛИНИИ ОГНЯ

Зажмурив левый глаз, стрелок долго и тщательно целится. Указательный палец правой руки лежит на спусковом крючке. Плавное нажатие. Раздается выстрел. Один, другой, третий...

Пули ложатся точно в центр мишени. На линии огня — юный стрелок Сережа Стукон, ученик второго класса тридцать пятой хабаровской средней школы.

Маленький, худенький мальчик, которому едва исполнилось восемь лет, — частый гость стрелкового клуба ДОСААФа Хабаровска. Вначале он приходил сюда с отцом, стрелком-спортсменом первого разряда, просто из обыкновенного детского любопытства, но вскоре любопытство переросло в желание научиться стрелять, как отец. И отец всерьез стал заниматься с сыном.

Сережа проявил незаурядные способности. Его успехи поражали видавших виды, бывалых стрелков. А удивлялись не зря: ведь Сережа легко выполняет норму стрелка третьего разряда. Наивысший его результат — 93 очка из 100 возможных на дистанции в 50 метров.

Таков успех юного чемпиона по стрельбе из малокалиберной винтовки Сережи Стукова.

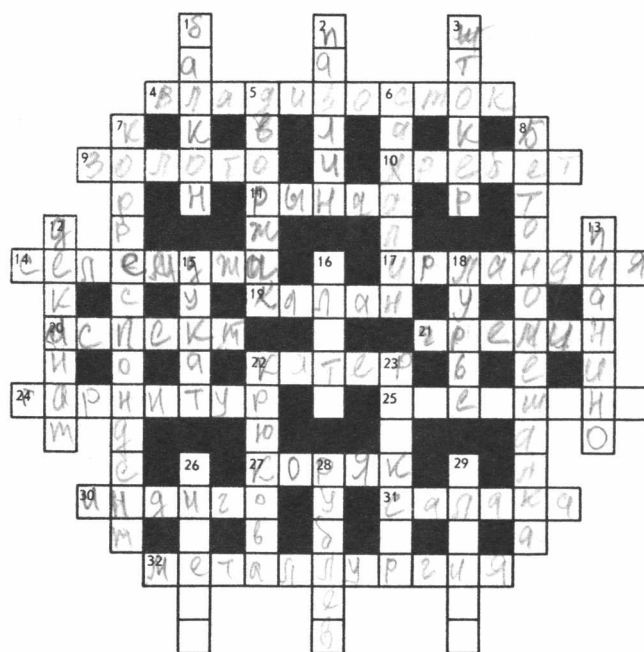
В. ДАНИЛЕНКО,
редактор газеты «Тихоокеанский работник»

А все они — Лисица с Волком —
Уж шельмецы, так шельмецы!
Тащили сами втихомолку,
И вишь, как спрятали концы!
Сухими вышли из воды,
А Еж виновником остался.
И все поверили...
— А ты!
— Я! Я, конечно, воздержался.
Я... завтра вечером Ежу
Наедине все расскажу!

БЕЗНАДЕЖНЫЙ

Кричал,
рычал,
пером водил,
А думал, что руководил,
А сняли,
а сказали — плох,
Издal обиды страшной вздох.
Так и не понял ничего:
Мол, подкопались под него.
Из газеты «Тихоокеанская звезда»

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Порт на Тихом океане. 9. Благородный металл. 10. Горная цепь. 11. Судовой колокол. 14. Река в Амурской области. 17. Государство в Европе. 19. Камчатский бобр. 20. Точка зрения. 21. Персонаж оперы «Евгений Онегин». 22. Спортивно-прогулочная лодка. 24. Полный комплект. 25. Таежное растение. 27. Представитель населения Дальнего Востока. 30. Органическое красящее вещество. 31. Промысловая рыба. 32. Отрасль промышленности.

По вертикали:

1. Площадка на верхних этажах. 2. Птица с нарядным оперением. 3. Угледатчик на паровозе. 5. Чешский композитор. 6. Остров у восточного побережья Азии. 7. Работник печати. 8. Строительная машина. 12. Руководство факультетом. 13. Музыкальный инструмент. 15. Старинная монета. 16. Парнокопытное млекопитающее. 18. Французский математик XIX века. 22. Советская сказительница. 23. Насос для перемещения жидкости, газов. 26. Рассказ А. П. Чехова. 28. Древнерусский живописец. 29. Исследователь Камчатки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

5. Ординар. 8. Алгебра. 9. «Арион». 10. Овраг. 12. Антей. 13. Широконоска. 14. Антонио. 16. Аркадия. 18. Иркут. 19. Завал. 22. Парение. 23. Флагман. 26. Волоколамск. 28. Тукай. 29. Туман. 30. Катод. 31. Яснотка. 32. «Ревизор».

По вертикали:

1. Гравюра. 2. Сиваш. 3. «Весна». 4. Армения. 6. Рагозин. 7. Пироп. 8. Андорра. 11. Гирорудель. 12. Аквалангист. 15. Нерпа. 17. Итана. 20. Титовка. 21. Олсандр. 22. Полуось. 24. Новатор. 25. Гонга. 26. Вазов. 27. Курия.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05688. Подписано к печати 21/Х 1959 г. Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1559. Заказ № 2454.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

СПОРТИВНАЯ ГАВАНЬ

Несколько лет назад у жителей Владивостока появилось любимое место отдыха. В некогда пустынном заливе, где ютились маленькие рыболовецкие суденышки и на каменном молу которого догнивали остатки каких-то барж, был создан один из наиболее красивейших уголков теперешнего Владивостока.

Спортивная гавань — так нынче называют жители города уютную, искусственно созданную бухточку. С утра и до позднего вечера на тихой глади гавани бесшумно скользят яхты, байдарки, лодки. Именно отсюда они выходят на простор Амурского залива для того, чтобы обрести там стремительное движение.

В спортивной гавани многие любители гребного спорта начали свой путь. И теперь уже есть парни и девушки, которые взяли старт в спортивной гавани и финишировали на чемпионатах мира и Европы.

Но прежде чем сказать о самих спортсменах, надо назвать имя человека, который сам уже не выступает на водных дорожках, но с судьбой которого связана судьба спортсменов, увенчанных лаврами европейских и мировых чемпионов. Юрий Константинович Шубин, заслуженный тренер СССР, — вот кто начал культивировать греблю на каноэ в Приморье.

Если вспомнить, как зарождалась секция гребли на Дальзаводе в 1950 году, и посмотреть, какой она стала нынче, то нетрудно заметить огромную разницу. Тогда гребцов на каноэ можно было сосчитать по пальцам, а теперь для того, чтобы попасть в сборную команду Приморского края, надо выдержать серьезный экзамен. Ведь рядом с такими признанными умельцами, как мастера спорта Степан Ощепков, Владимир Якунин, Виктор Влучко, Юрий Шаронин, появились десятки молодых и очень способных юношей.

Но пока речь пойдет о двух друзьях-однолетках, вот уже много лет подряд выступающих в одной лодке. Четыре года назад Степан Ощепков и Владимир Якунин впервые стали чемпионами страны на каноэ-двойке. И затем вплоть до прошлого года они никому не уступали звания сильнейших в Советском Союзе на дистанции тысячи метров. Четыре золотых медали — вот награда за многие часы тренировок.

Не всегда путь владивостокских парней к победе был прост. Спорт есть спорт, в нем бывают победители и побежденные. Последнее всегда менее приятно. Случилось такое со Степаном и Владимиром в дни памятного всем Московского фестиваля молодежи и студентов, на III дружеских спортивных играх. Друзья потерпели поражение. Однако нынешним летом Степан и Владимир вновь стали чемпионами СССР.

В прошлом году друзья впервые расстались. По решению тренерского совета Степан Ощепков сел в одну лодку с москвичом Александром Силаевым. Эта комбинация оказалась удачной, и советские спортсмены стали чемпионами мира в гребле на каноэ-двойке. Эта же пара выступала в нынешнем году на чемпионате Европы в западногерманском городе Дуйсбурге и вновь была первой на финише в заезде на дистанцию десять тысяч метров.

Гребной сезон, по существу, уже закончился, но и теперь на Амурском заливе можно встретить двух товарищей. Они по-прежнему тренируются вместе и полны решимости доказать свое право выступать в будущем году на Олимпийских играх в Риме.

...Полным событий, радости побед и горечи поражений был прошедший сезон для гребцов Владивостока. Но теперь уже все позади. Уложены в заветные шкатулки памятные медали и жетоны, поставлен на почетное место приз, завоеванный гребцами Приморья на Спартакиаде народов РСФСР в Ленинграде. Все вошло в обычную колею.

И вновь, как три года назад, приходят на тренировку вместе с чемпионами мира и Европы новые мастера спорта, получившие это почетное звание в текущем году. А рядом с ними уже готовятся к будущим боям те, кто еще ни разу не испытал предстартовой лихорадки в соревнованиях.

М. ТОРЧИНСКИЙ,
сотрудник газеты «Красное знамя».

Чемпион Европы 1959 года на каноэ Степан Ощепков (справа) и чемпион СССР Владимир Якунин в спортивной гавани Владивостока.

Фото О. Кнорринга.

Цена номера 3 руб.

